

180307

Г. ЛАНДАУ

**СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА
В ТЫЛУ НЕМЦЕВ
1914-1918 гг.**

ВОЕНИЗДАТ • 1937

Цена 1 руб.

A

V.N. Karazin Kharkiv National University

00524530

3

1840
1841

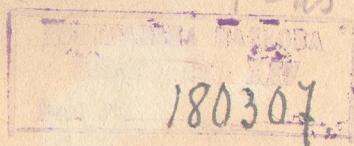
1842
1843

Г. Ландау

**СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА
В ТЫЛУ НЕМЦЕВ
(1914—1918 гг.)**

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

Государственное военное издательство Наркомата обороны
Союза ССР
Москва — 1937

64 58 02

Г. Ландау. *„Секретная служба в тылу немцев (1914—1918 гг.)“*.

В книге довольно подробно изложены методы работы английской разведки в тылу немцев во время империалистической войны и показаны способы наблюдения за железнодорожными перевозками войск. Кроме того, в книге освещена, правда, очень кратко, и работа агентурной разведки в условиях мирного времени.

Книга рассчитана на командиров всех родов войск РККА и одновременно может быть рекомендована гражданским читателям.

Сдано в производство 2.8.37
Подписано к печати 28.8.37

Формат бумаги 84×108/32
Объем 7³/₄ п. л. 5,58 авт. л.
В бум. листе 138.240 знаков

Уполномоч. Главлита № Г-7339

Изд. № 293

Зак. № 2927

Текст отпечатан на бумаге ф-ки им. М. Горького

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано во 2-й типографии Государственного военного изд-ва НКВ СССР.
Ленинград, ул. Герцена, д. 1.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Среди большого количества книг, вышедших в буржуазных странах в послевоенное время по вопросам агентурной разведки, книга Ландау является одной из немногих, где подробно излагается опыт организации и эксплуатации агентурной сети для наблюдения за железнодорожными перевозками во фронтовом и армейском тылу. Ландау утверждает, что только английская разведывательная служба сумела создать на узловых железнодорожных станциях оккупированной немцами Бельгии „наблюдательные посты“, мимо которых не проходил незамеченным ни один поезд с германскими войсками, боеприпасами и т. п. Донесения „наблюдательных постов“ дополнялись донесениями маршрутных агентов („фланеров“), работавших в зонах отдыха германских войск.

Выписками из разведывательных сводок английской Главной квартиры Ландау доказывает, что сведения его „наблюдательных постов“ и „фланеров“ доходили до английского командования своевременно. Четкость работы английской агентуры подтверждается еще и тем фактом, что в апреле 1915 г., когда немцы готовились к наступлению в Карпатах, сведения о переброске двух германских дивизий, прошедших через Прагу, были получены в штабе северо-западного фронта русских на 4-й день, хотя и передавались кружным путем.

Известно, что русская разведывательная служба создала в начале войны „наблюдательные посты“ на некоторых узловых железнодорожных станциях Австро-Венгрии. Однако не было случая, чтобы эти „наблюдательные посты“ своевременно предупредили русское командование о сосредоточении австрийских войск. Донесения этих „постов“, в основном верные, попадали к русскому командованию, как правило, лишь после начала той или иной австрийской операции. И только в 1917 г.

было установлено, что все русские „наблюдательные посты“ состояли на службе австрийской контрразведки и намеренно задерживали сведения об австрийских железнодорожных перевозках.

Ландау утверждает, что его агентурная сеть состояла из нескольких сот агентов разных категорий: начальников групп, наблюдателей, „фланеров“, переправщиков, проводников, курьеров связи, содержателей „почтовых ящиков“ и т. д.

Среди агентов было несколько священников, инженеров, железнодорожных служащих, профессоров, учителей, банкиров, контрабандистов, крестьян и т. д. Имелся даже один бельгийский сенатор-„социалист“, были женщины, дети, старики.

Эти люди вовлекались в английский шпионаж, главным образом, посредством игры на их патриотических чувствах, но иногда и угрозами расправиться после войны с теми, кто не будет помогать союзникам, а также обещаниями щедро наградить деньгами и орденами за работу в разведке.

В книге Ландау затрагиваются различные стороны агентурной работы: организационное построение резидентурной сети, вербовка, организация связи, методы управления, способы снабжения деньгами и т. д. При этом следует отметить, что все эти вопросы освещаются не теоретически, а практически, т. е. автор рассказывает о том, как и что он делал.

Ясно, что Ландау далеко не откровенен и не искренен. Но и он не смог удержаться, чтобы не показать, что делалось за кулисами английских дипломатических учреждений и коммерческих предприятий в нейтральной стране (Голландии).

Он не мог также не рассказать, хотя и очень вежливо и больше намеками, о той взаимной грызне, которая имела место между центральными и местными разведывательными органами самой Англии и ее союзников.

Ландау много и подробно рассказывает о том, как после войны он в течение восьми месяцев занимался ликвидацией английской агентурной сети в Бельгии. Он рассказывает о митингах и собраниях английских шпионов, устроенных на площадях при большом стечении публики. Здесь в торжественной обстановке произносились речи, выдавались денежные пособия, прицеплялись английские ордена. На могилах английских разведчиков, расстрелянных немцами, служились торжественные мессы и превозносились их заслуги.

Спрашивается, — для чего все это? Для того, чтобы создать авторитет Интеллидженс Сервис, показать всем, какой благородной

является английская разведывательная служба, как она щедро и торжественно награждает своих верных агентов. Это уже установка на будущее.

Книга Ландау представляет несомненный интерес для командиров РККА, так как она дает большой материал для знакомства с организацией, тактикой и техникой английской разведывательной службы.

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ АВТОРА

Большая часть агентов британской секретной службы, работавших на оккупированной территории Бельгии и Франции и в Германии, находились непосредственно под моим руководством; я был единственным человеком, связанным с ними и знавшим подлинную ценность информации, доставляемой каждым из них.

Я не пытался в этой книге скрыть имена дипломатических представителей и лиц, состоявших на государственной службе, а также имена ряда агентов, работавших в нейтральных странах. Что касается агентов, работавших на территории, занятой противником, то я упоминал только тех, которые стали известны немцам благодаря арестам; остальные имена я изменял или не упоминал совсем. Это сделано с целью скрыть бывших агентов на случай нового вторжения неприятеля в Бельгию и Францию.

Я лучше всех могу судить о том, какая информация может их скомпрометировать. Короче говоря, в этой книге не упоминается ни о чем, что могло бы причинить кому-нибудь вред.

Г. Л.

Глава первая

НАЧАЛО ВОЙНЫ

За время учения в Кембридже каникулы я проводил в путешествиях по Германии, Голландии, Бельгии и Франции, на языках которых я свободно говорил. Я покрыл сотни миль — проехал путь от Брюсселя до Гента, взбирался на холмы в Арденнах, прошел Шварцвальд и Гарц, изучил Рейнскую область от Гейдельберга до Дюссельдорфа — на пароходе, иногда на велосипеде или пешком.

Больше всего меня интересовал народ — его обычаи, жизнь, жизненная философия. По своим вкусам я принадлежал к богеме: иногда посещал дома, кафе и места развлечений в кварталах бедноты, в других случаях, в больших городах, как, например, в Берлине, я позволял себе роскошь пользоваться большими международными отелями — „Адлон“, „Бристоль“ — и такими ресторанами, как „Хиллер“, „Борхарт“ и „Хоршер“.

Лучший способ увидеть страну, изучить ее язык и нравы ее жителей, заглянуть за фасад, воздвигнутый для туристов, и, наконец, изучить ее топографию — это пешеходное или велосипедное путешествие. Израсходованная энергия с избытком окупается полученным опытом и знаниями. Если мне не придется больше быть в Голландии, то я все же буду помнить, что дорога из Роттердама в Амстердам, через Гаагу и Гаарлем, ровная, а вокруг Арнхема — холмистая.

Живя то там, то здесь, изучая страны и знакомясь с бытом населения в течение четырех лет, я научился „чувствовать“ Европу.

В июне 1913 г. я окончил Кембридж, и мне предстояло пробыть два года в каком-нибудь горном институте, чтобы повысить свою квалификацию.

Лето 1914 г. я проводил на свинцовом руднике в Флинтшайре, где и узнал о вступлении Англии в войну. До сих пор моя жизнь была намечена твердо: еще год в горной школе для повышения квалификации, затем работа на рудниках для приобретения практического опыта; после этого я должен был работать в Лондоне в качестве инженера-консультанта. Но мною овладело беспокойство, и очень быстро было принято решение уехать в Лондон.

Моим первым намерением было присоединиться к почетной артиллерийской роте, но в ее штабе я узнал, что в данный момент туда принимают только своих членов. Я достал рекомендательное письмо к лорду Денбич, командовавшему этой частью, и, возвращаясь в штаб для второй попытки, случайно попал в королевский колониальный институт, членом которого я был. Здесь я встретился с Маузели, новозеландцем, окончившим в свое время Кембриджский университет; он шел в „Аустралия Хауз“, чтобы поступить в австралийский добровольческий госпиталь, который находился в стадии формирования.

Считалось, что война — дело нескольких недель, и, ввиду полученного мною отказа и отсутствия какой бы то ни было военной подготовки, я принял приглашение Маузели сопровождать его. Госпиталь, по его словам, должен был тронуться в путь через несколько дней. Здесь, по крайней мере, открывался верный путь во Францию. В автобусе я встретил старого приятеля по Кембриджу — сына сэра Эдварда Шефера, известного эдинбургского патолога, и вечером того же дня мы уже поступили на службу в австралийский добровольческий госпиталь, отправлявшийся во Францию. Мы помещались в Ранелагском клубе, причем его поле для поло служило нам местом для обучения, а комнаты были заняты офицерами; мы спали в стойлах для лошадей.

К концу десятого дня мы были отправлены во Францию, в Сан Назер.

В ноябре мы его оставили, перебравшись в тыловой госпиталь в Вимере.

Война затягивалась. Лорд Китченер набирал добровольцев в расчете на трехлетнюю войну. Работа в тыловом госпитале не удовлетворяла меня; я во что бы то ни стало хотел на фронт.

В декабре 1914 г. было объявлено о моем производстве в подпоручики королевской полевой артиллерии и прикомандировании к 102-й бригаде 23-й дивизии, формирувавшейся в Эйшоте.

После четырехмесячной подготовки, в апреле 1915 г., указанная бригада получила назначение в порт Булонь. Мы были направлены в зону Сант Омер, где пробыли несколько дней на отдыхе. Затем нас двинули на фронт в сектор Армантьер.

В начале марта 1916 г. началось сосредоточение для наступления на Сомме.

До отъезда из Эйшота я был произведен в чин поручика, теперь я стал капитаном. Мой командир батареи, майор Готто, попал в списки больных и затем вышел в отставку по возрасту; его заместитель, капитан Уэллс, был ранен при Лаванти, и теперь батареей командовал я.

Наконец, наступило время моего отпуска, из которого вернуться на фронт мне уже не пришлось.

Глава вторая

НАЧАЛО РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Отпуск для большей части из нас, уроженцев колонии, не имеющих в Англии ни семьи, ни родных, превращался в безумные три дня без сна, в скитаниях по ночным клубам и зрелищам в обществе женщин не всегда хорошего выбора. Я был не лучше и не хуже остальных, так как все мы знали, что можем больше не вернуться в следующий отпуск.

Такое времяпровождение возбудило во мне сильное отвращение, и на этот раз я был счастлив, получив от нашего адъютанта письмо к его сестре. Это была прелестная образованная девушка, работавшая в отделе цензуры. Мы проводили вместе много времени, обедали и ходили в театр; я рассказывал ей очень часто о себе и, главным образом, о своих путешествиях. Она слушала с сияющими глазами, но я ни на минуту не обольщался мыслью о современной Дездемоне — ее интерес относился целиком к моей службе.

— Как жаль, что вы не можете работать у нас, — воскликнула она. — Вы именно такой человек, какой нужен моему начальнику. Мы никак не можем найти офицера с военным опытом, знающего французский, немецкий и голландский языки и хорошо знакомого с этими странами. Главное затруднение заключается в голландском, — прибавила она. — Удивительно, как мало англичан знают этот язык. Это типично для нас, так как мы всегда ждем, что иностранец заговорит на нашем языке.

Я рассмеялся этому замечанию, ведь, я должен был в этот же вечер вернуться во Францию.

По прибытии в Фолькстон нам сообщили что, ввиду замеченной в этих водах неприятельской подводной лодки, мы можем вернуться в Лондон до следующего вечера. Я проснулся на следующее утро в отеле „Вальдорф“ с высокой температурой и сыпью на теле. В ближайшем военном госпитале у меня нашли краснуху и приказали немедленно лечь в постель. В Англии при поступлении в госпиталь автоматически попадаешь из распоряжения командующего войсками на фронте в распоряжение военного министерства. Я сообразил, что это даст мне возможность занять тот пост, о котором говорила моя приятельница. Когда началось выздоровление, я обдумал это дело и обсудил его с ней по телефону. Она обещала поговорить со своим начальником.

Через неделю я получил приказ немедленно явиться в военное министерство. Я помчался туда, надеясь узнать сразу, в чем будут заключаться мои обязанности. Вместо этого мне пришлось выдержать три испытания подряд: оказывается, меня вызвали для проверки знания языков. Испытания письменные и устные не представляли затруднений. Я даже имел некоторые преимущества перед экзаминатором по голландскому языку, так как это был мой родной язык.

На следующий день мне приказали явиться к полковнику Браунинг в Уайтхолл Коурт. Он сообщил мне, что я переведен в разведывательный корпус, и, так как я прикомандирован к секретной службе, он немедленно представит меня начальнику. В комнате, напоминающей каюту, я был представлен очень любезному человеку, с которым сразу почувствовал себя хорошо и просто. Это был начальник, капитан военноморского флота. К., — седой человек около шестидесяти лет, в морской форме, невысокого роста, с известной принужденностью в движениях, которая, как я позже узнал, объяснялась тем, что у него была искусственная нога.

После нескольких предварительных замечаний он перешел к делу:

— Я знаю все ваше прошлое. Вы именно тот человек, который нам нужен. Вам придется поехать в Роттердам к Т. Сегодня вечером вы выезжаете на Гарвич

и Хуук. Наша служба наблюдения за поездами в Бельгии и северо-восточной Франции целиком провалилась. Вам поручается реорганизовать ее. Я не могу вам сказать, как это сделать, — это уже ваше дело. Мы вам даем полную свободу действий.

Используйте Т. в качестве „прикрытия“, держите связь со мной через него. В разумных пределах он будет снабжать вас деньгами на организацию вашей службы. У Т. вы встретите людей, работающих в других отраслях секретной службы; вы можете воспользоваться их сотрудничеством.

Вам поручается военный отдел; ответственность за его успех или неудачу возлагается на вас. Справляйтесь у нашего военного атташе в Гааге, полковника Оппенгейма, о том, какой род информации нам нужен. Он же даст вам справочные данные по организации германской армии и другие нужные вам сведения. Время от времени мы будем через Т. посылать вам задания-вопросники.

Срочные военные сведения, которые вы будете получать о немцах, будут передаваться полковником Оппенгеймом по телеграфу непосредственно Главной квартире. Передавайте Т. все письменные донесения, содержащие менее важные сведения; он будет отправлять их нам с дипломатической почтой. Обо всем, что вам нужно будет, спрашивайте Т. Вот его адрес, — сказал он, передавая мне узкую полоску бумаги. — Командор Сайкс в следующей комнате вручит вам билет и деньги на расходы и сообщит, когда отходит ваш поезд, — прибавил он, протянув мне руку и пожелав счастливого пути.

Я располагал всего несколькими часами на приобретение штатской одежды.

Прибыв в Роттердам, я отправился к Т. в его контору, занимавшую весь первый этаж какого-то большого дома на Боомпье. Человек, охранявший вход, доложил обо мне, и через несколько минут меня ввели к Т.

Я очутился перед невысоким, широкоплечим человеком, несколько нарядно одетым. Я провел все утро, слушая его информацию о положении. Он был сильно озабочен. Вся его организация, охватывавшая Бельгию

и северо-восточную Францию, состоявшая из сорока с лишним постов для наблюдения за поездами, провалилась, и почти все его агенты были арестованы.

Франкиньюль, его агент в Маастрихте, пытался создать новую организацию, но его предприятие было совершенно безуспешным, и до настоящего времени никаких сведений еще не поступало.

Т., казалось, сомневался в том, удастся ли мне что-нибудь сделать, но обещал всяческую помощь, так как ему сообщили, что я назначен начальником военного отдела в Голландии. Он предоставил в мое распоряжение комнату и познакомил с людьми, с которыми я должен буду работать: Пауэр — начальник морского отдела, де Мэтр — начальник контрразведки, Петерсен — сын русского генерального консула в Гааге и, наконец, Мейлькенс — кассир и бухгалтер. Затем Т. осведомил меня, что ему приказано выдавать мне необходимые денежные суммы, за которые я должен отчитываться перед ним, при этом прибавил, что все дело в результатах: для надлежащей информации всегда найдется достаточно денег.

Из замечаний Т. и слов К. (начальника в Англии) я понимал, что мое пребывание в Голландии целиком зависит от моей активности. Я располагал солидной квалификацией в смысле знания языков, главным образом, голландского и фламандского, основательным знанием топографии и, наконец, обладал военным опытом, приобретенным на фронте. Я понимал, что если не выполню задания, то буду скоро отозван. В вопросе о расходовании денег я понял, что К. будет оплачивать только надежные и нужные донесения. Если в последующем мне ни разу не было отказано в требуемых мною суммах, то это происходило только благодаря важности тех сведений, которые доставлялись создаваемыми мной организациями.

До самого конца войны Т. оставался верен своему обещанию. Иногда он как будто завидовал моим успехам, но думаю, что всегда поступал честно по отношению ко мне. „Прикрытие“, которое он мне обеспечивал, было достаточным для того, чтобы защищать меня от голландских властей. Я никогда не имел с ними ни малейших столкновений, хотя они,

очевидно, знали, чем я занимался. Он, несомненно, пользовался большим влиянием; начальник речной полиции ван Зандт и другие представители полицейских властей всегда были готовы оказать ему всяческое содействие. Т. давно жил в Голландии, был владельцем солидной паровой фирмы и располагал большим количеством влиятельных друзей, но, главным образом, он опирался на престиж британского правительства. Голландское правительство вело тонкую политику и поддерживало дружеские отношения с секретными службами и союзников и немцев. Оно понимало, что не может воспрепятствовать пребыванию агентов секретных служб, и мудро решило поддерживать тесный контакт с начальниками этих служб, которые, таким образом, должны были отвечать за поведение своих агентов.

Т. был борцом, это было его основной чертой. Он был всегда готов бороться с бельгийскими властями, когда мы жаловались на вмешательство в дела наших агентов, а иногда даже с британским военным министерством. Так как он жил в нейтральной стране в качестве гражданского лица, располагающего значительными личными средствами, начальник в Англии должен был с ним считаться.

Т. не говорил ни слова по-голландски и не знал ни французского, ни немецкого языка. У него не было военных знаний, он не имел ни малейшего представления о том, как создать организацию на оккупированной территории. Он не знал ничего об организации Франкинуля для наблюдения за поездками. Франкинуль держал все нити в своих руках, и, когда они порвались, Т., естественно, не мог ничего сделать.

Т. был, однако, толковым исполнителем и содействовал тесному сотрудничеству различных подчиненных ему отделов службы. Свою главную задачу — сношение с голландскими властями — он выполнял превосходно, оказывая нам весьма ценные услуги, и вполне заслужил орден Кавалера Британской империи, который ему был дан по окончании войны.

Глава третья

СТРУКТУРА РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Моей первой заботой после разговора с Т. было найти удобную квартиру. При помощи Петерсена я скоро нашел ее на Хеэбраад Сингель. Де Мэтр, начальник контрразведки, сообщил мне, что отель „Маас“, в котором я остановился, кишит германскими агентами.

Мне понадобилось две или три недели для того, чтобы ориентироваться в обстановке, и в этом мне оказал большую помощь Коллинз, молодой англичанин, который провел несколько лет в Брюсселе на службе у фирмы „Братья Леверс“ и с самого начала войны жил в Голландии. Мне удалось перевести его к себе на работу, и он до конца моего пребывания в Голландии оставался моим верным помощником и товарищем.

Тот, кто жил в это время в Бельгии и Голландии, оценит те трудности, которые нам приходилось преодолевать. Немцы создали превосходные барьеры против просачивания сведений: вдоль бельгийско-голландской границы был протянут провод, через который пропускался ток высокого напряжения, и стояла непрерывная цепь часовых на небольшом расстоянии друг от друга, в пределах видимости; кроме того, граница с обеих сторон охранялась агентами тайной полиции.

Но германские средства и люди были определенной сосредоточенной силой, с которой было гораздо проще бороться, чем с неопределенной, но мощной силой голландских и бельгийских агентов, которыми кишела

Голландия. Здесь осели сотни бельгийских беженцев, и до того, как немцы организовали свои заграждения, многие из них нашли возможность добывать сведения из Бельгии и сбывать их британской, бельгийской или французской секретным службам, а иногда продавали одни и те же сведения всем трем службам. Теперь обстановка изменилась; они не могли больше получать сведений, но все же рыскали вокруг нас, вмешиваясь в каждую нашу попытку установить связь с захваченной противником бельгийской территорией.

Прежде всего необходимо было найти надежных бельгийцев в Голландии, которым мы могли бы доверять, способных подчиняться известной дисциплине и руководимых в своих действиях патриотизмом, а не наживой. Я был очень рад встретиться с Моро—бывшим крупным служащим бельгийских железных дорог, который, ознакомившись с нашими задачами, заявил, что его сын привлечет к сотрудничеству с нами лучших бельгийских железнодорожников, которых в то время было много в Голландии и которые продолжали смотреть на него, как на своего начальника. Сын был мне представлен и произвел на меня хорошее впечатление; я изложил ему наш план. В соответствии с этим планом он, через различные промежутки времени, привел ко мне свыше пятидесяти человек, которых можно было распределить по стратегическим пунктам на голландской территории от Маастрихта до побережья в Зеландии таким образом, чтобы не навлечь на них подозрений.

Каждый из агентов Моро отвечал за определенный участок голландской границы и получал инструкцию найти какое-либо средство для поддержания регулярного сообщения с занятой территорией. Мы объяснили им, что можно использовать три средства:

- 1) курьеров, которые могли переходить через электрический провод глубокой ночью, пользуясь резиновыми перчатками и сапогами;

- 2) лодочников, которые, оставаясь под строгим наблюдением немцев, получали разрешение плавать на своих лодках от Роттердама до Антверпена;

- 3) сельскохозяйственных рабочих, обрабатывавших поля, прилегавшие к границе, и имевших возможность

перебрасывать сообщения через провод, когда часовой смотрел в другую сторону.

Каждый агент получил определенный номер, сын Моро именовался „Орам“. Мы решили, что Орам будет их непосредственным начальником, а агенты должны были ему слепо повиноваться и не имели права останавливать отведенные им участки; кроме того, Орам организует службу курьеров для сбора донесений. Каждый из них давал клятву молчать о том, на кого он работает, и не пытаться узнать, кто другие агенты Орама.

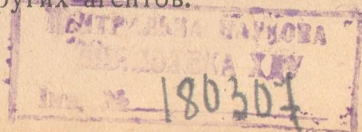
Так была создана в Голландии организация, эффективность которой постепенно увеличивалась; в последние два года войны мы стали располагать, по крайней мере, шестью постоянными средствами связи с Бельгией. Когда одно из них переставало действовать, мы имели в запасе остальные пять, к тому же постоянно изыскивались новые.

Вторая задача заключалась в следующем: распределить агентов на бельгийской территории таким образом, чтобы они покрыли всю оккупированную территорию; инструктировать их в отношении требуемой информации; поставить людей, которым можно будет сдавать донесения для доставки их через границу.

Для организации агентуры на оккупированной территории существовало три способа.

Один из них заключался в посылке бельгийцев или французов обратно в Бельгию или во Францию, которых мы переправляли темной ночью через электрический провод.

Другой — в использовании курьера, доставляющего письмо от одного из наших агентов в Голландии его друзьям в Бельгии, которые были рады работать на своего прежнего начальника. Они оказались самыми лучшими из наших агентов. И, наконец, нам часто удавалось устанавливать контакт со старыми организациями, функционировавшими в 1915 г. и потерявшими связь с английскими разведывательными органами в 1916 г., после закрытия немцами границы. В общем, можно было рассчитывать на то, что каждый из агентов, находящихся на занятой территории, завербует двух или трех других агентов.

Организация службы курьеров на оккупированной территории представляла особые трудности. При наличии системы личных карточек, которая очень строго проводилась в жизнь, никто под страхом ареста не мог находиться на расстоянии свыше тридцати миль от места своего жительства, отмеченного на личной карточке. Оперировавшая в Бельгии германская тайная полиция обращала особое внимание на лиц, находящихся в пути, как на пешех, так и на передвигающихся любыми перевозочными средствами. Они так же хорошо, как и мы, понимали, что информация не имеет никакой ценности до тех пор, пока она не прошла через границу.

Система связи от разведчика на оккупированной территории до меня в Роттердаме сводилась к следующему: начальник каждой группы разведчиков на оккупированной территории собирал донесения, посылаемые его агентами, и передавал их в Антверпене, Льеже или Брюсселе по указанному нами адресу („почтовому ящику“). Курьер доставлял эти донесения от „почтового ящика“ на пункт переправы через границу. Здесь они собирались пограничными агентами Орама и через Орама доставлялись мне. Пункты переправы через границу, „почтовые ящики“ и курьеры между „почтовыми ящиками“ и пунктами переправы через границу были организованы из Голландии под руководством Орама и моим. Каждый начальник группы разведчиков, агенты которого собирали информацию на оккупированной территории, располагал собственным независимым „почтовым ящиком“, пограничным курьером и пунктом передачи информации через границу; причем весь персонал, за исключением „почтового ящика“, был ему совершенно неизвестен. В свою очередь, „почтовый ящик“ не знал курьеров, передававших и собиравших донесения. Как только донесения передавались „почтовому ящику“, на моей ответственности лежала доставка их в Голландию для пересылки Главной квартире.

Удвоение всех постов и секретность, основанная на незнании общей системы, были необходимы и являлись прочной основой нашей работы. Наша главная задача заключалась в организации большого числа

маленьких групп, изолированных одна от другой. Таким образом, если один работник попадался, он мог выдать не больше четырех или пяти других работников. Даже от самых честных патриотов нельзя было ожидать молчания в случае применения немецких методов допроса „третьей степени“: арестованных часто зверски избивали до тех пор, пока не удавалось вырвать у них признания. Иногда, чтобы сломить самую упорную волю, использовались наркотические средства.

Мы воспользовались уроком провала организации Франкиньюля. Изучив его систему, я увидел, что он присоединил двести агентов на оккупированной территории к единственному средству связи с руководством на голландской территории — трамваю, который ежедневно пересекал бельгийскую границу, направляясь в Маастрихт. В этом трамвае в Бельгии ежедневно прятались донесения, вынимаемые агентами Франкиньюля по их прибытии в Голландию. Такой способ связи был идеален: он был так непосредственен и прост, что в течение значительного промежутка времени оставался необнаруженным. Эта удача убедила Франкиньюля, и он думал, что так будет продолжаться вечно. К тому же он еще совершил ошибку, позволив всем своим бельгийским агентам знать друг друга. Поэтому, когда одно звено связи попало в руки немцев, они смогли захватить все донесения и выследить всех агентов, так как Франкиньюль не располагал средствами или способами для предупреждения своих людей об опасности.

В период моей работы я постоянно поддерживал связь с полковником Оппенгеймом в Гааге. Он был прямой противоположностью Т.: очень высокий и несколько хрупкий, обладающий, повидимому, большой эрудицией, очень натянутый и склонный к уединению. Его функции заключались в анализе сведений и телеграфных донесений и, так как он не имел ничего общего с добыванием сведений или с организацией секретной службы, то он не представлял себе всех трудностей, которые нам приходилось преодолевать. Он был, однако, блестящим штабным офицером, как я увидел впоследствии из его мастерских анализов

посылаемых ему донесений. Он извлекал все сведения, которые можно было из них извлечь, и безукоризненно оценивал значение каждого передвижения войск.

Полковник Оппенгейм сообщил мне, какие именно сведения необходимо доставать. Не профессионал, несомненно, удивится, узнав, что это были, главным образом, данные о движении поездов. Я сам в другое время никогда не мог бы представить себе секретную службу как организацию, занимающуюся наблюдением за прибытием и отправлением поездов. Однако это было главной нашей задачей. Движение поездов означало перевозку германских войск, а перевозка войск часто предсказывала наступление. От нашей информации часто зависела подготовка союзников к защите какой-либо позиции или к захвату врасплох нападающей стороны. У немцев никогда не было достаточно войск, чтобы вести наступление одновременно на двух фронтах, ввиду чего каждому наступлению обычно предшествовала крупная переброска войск с одного фронта на другой. Отсюда понятна настойчивость полковника Оппенгейма в отношении получения всевозможной информации о всех передвижениях войск и о номерах войсковых частей. Для того, чтобы помочь опознаванию различных германских полков и частей, он снабдил меня справочниками по германской армии, которые основательно ознакомили меня с организацией, различными формами и отличительными знаками. Все это было необходимо знать для того, чтобы с точностью и уверенностью выполнить возложенную на меня задачу.

Побуждаемые им, мы постепенно организовали систему наблюдения за поездами, которая охватывала все важнейшие железнодорожные линии Бельгии и северо-восточной Франции. Мы отмечали время прохождения и состав каждого воинского поезда, наблюдали за движением поездов на каждой узловой станции и могли, таким образом, следить за каждой дивизией от пункта посадки до пункта выгрузки.

Сообщения о войсках, перебрасываемых с русского фронта на западный, получались в момент их движения через Гербесталь. От нашего поста в Льеже мы узнавали, прошли ли пятьдесят два поезда, необходи-

мые для перевозки дивизии, на Намюр или на Брюссель. В Намюре или Брюсселе мы снова встречались с ними и наблюдали за ними на различных узловых станциях до прибытия на станции выгрузки.

С помощью удвоенных постов наблюдения за поездами мы могли проверить всякую ошибку, а специальные агенты, находившиеся на конечных пунктах и в зонах отдыха, опознавали войска по мере их прибытия. Дивизии, прибывшие издалека, неизменно отправлялись в зону отдыха до посылки их на фронт. Предназначенные для наступления дивизии обычно сначала сосредоточивались в ближайшей тыловой зоне. Передвижения на линии фронта могли контролироваться с помощью пленных или путем захвата писем и документов, но для получения сведений о передвижениях в тыловой зоне главное командование могло полагаться только на добросовестных наших наблюдателей.

Ниже я расскажу, как наши наблюдательные посты узнавали о всех перебросках с востока на запад и с запада на восток. Несмотря на то, что донесения нередко задерживались на три—четыре дня, это не имело значения, так как немцам нужны были недели для того, чтобы сосредоточить свои силы. Перевозка дивизии через любую узловую станцию требовала, по крайней мере, двух дней, а, как правило, четырех—пяти дней, потому что в дополнение к пятидесяти двум воинским поездам, перевозившим дивизию, нужны были еще поезда, перевозившие провиант, боеприпасы и военное имущество. Для наступления требовалось много дивизий, это давало нам возможность получать наши донесения достаточно своевременно для того, чтобы предупреждать Главную квартиру.

Мы получали также множество других сведений, как, например, планы наступлений, сведения о формировании новых дивизий и полков, об изменении снаряжения, о новых изобретениях и новых типах орудий, о новых методах наступления, о прибытии пополнений, о целях воздушных бомбардировок и т. п., но самым важным нашим достижением был непрерывный контроль над передвижениями противника и опознавание перебрасываемых частей.

Интерес и волнение, связанные с этой службой, превратились к концу войны в мучительное напряжение, так как все знали, что германское командование работает над большим наступлением, которое должно привести войну к решительному концу. Было чрезвычайно важно обнаружить всякий след плана или первых мероприятий по подготовке к большому наступлению, и мы все время были настороже, стремясь отметить всякое сосредоточение сил, которое могло бы указать на место, выбранное для наступления, и на войска, предназначенные для его осуществления.

Вот, в кратких словах, наши задачи и трудности, которые нам приходилось преодолевать, и несколько технических деталей, которые мне пришлось объяснить для лучшего понимания работы в органах разведки. Во избежание повторения, я упомяну только о нескольких типичных организациях. За последние два года войны мы имели в своем распоряжении свыше двух тысяч агентов, работавших на нас в различные периоды времени. Я не могу описать индивидуальные достижения каждого из них и рассказать о всех созданных нами организациях.

Глава четвертая

ПЕРВАЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ЯЧЕЙКА

По прибытии в Голландию в мае 1916 г. я, ввиду полного отсутствия сведений из оккупированной территории, решил начать с опроса всех беженцев, переходивших через границу. Некоторые из них не боялись электрического провода и время от времени переходили границу глубокой ночью с помощью проводников, которые, хорошо зная границу и располагая запасом резиновых перчаток, получали от 500 до 1 000 франков за каждого эмигранта.

Моя цель заключалась не только в получении военной информации, какой бы скудной она ни была, но и в вербовке агентов для службы на оккупированной территории или в получении адресов людей, которые согласились бы работать с нами, если бы мы смогли установить с ними связь.

Нужно было быть очень храбрым человеком и патриотом, чтобы вернуться в Бельгию или во Францию после благополучного перехода через электрический провод. Сотни фотокарточек, распространявшихся немцами, красноречиво доказывали большую смертность среди эмигрантов, пытавшихся перейти границу без помощи специальных лиц. Помимо того, возвращающимся угрожала опасность ареста, который означал несомненный расстрел. Даже того, кто был схвачен при попытке бегства в Голландию, ожидало длительное тюремное заключение или отправка в Германию в гражданский концентрационный лагерь. К этому следует прибавить опасность огласки. Когда человек бежал в Голландию, то его соседи знали об этом;

если он возвращался, они сразу же начинали подозревать, что он вернулся как шпион, и своими разговорами могли погубить его. Среди гражданского населения имелись также предатели, состоявшие на службе у немцев. Эти люди всегда могли обнаружить подозрительную, с их точки зрения, деятельность граждан, вернувшихся на оккупированную территорию.

Мы не могли избежать подобного риска, но старались доставить агентов обратно на оккупированную территорию так скоро после их отъезда, чтобы они могли своевременно явиться в местную комендатуру (каждому жителю оккупированной территории полагалось это делать раз в месяц). Непоявление в срок влекло за собой розыски преступника и, если у него не имелось хорошей отговорки, то все, что ему оставалось делать,—это скрываться, что, конечно, значительно уменьшало его ценность как агента.

Генри ван Берген, уроженец Лувена, был первым завербованным нами агентом. Он перешел границу к северу от Антверпена с помощью проводника. Через двадцать четыре часа я опрашивал его в нашей конторе на Боомпье. Первое, что поразило меня, были его шляпа и костюм, которые он надел, прежде чем двинуться в опасный путь. Безукоризненно одетый, он выглядел так, точно только что сошел с парохода или поезда, а не перебрался через электрический провод. Я видел перед собой человека лет сорока пяти, по профессии юриста, смелого и бодрого, который производил прекрасное впечатление. Так как я уже получал отказы в оказании нам содействия со стороны других эмигрантов, то удивился готовности, с какой он согласился работать на нас, после того как я убедил его в том, что он может оказать больше услуг союзникам возвращением в Бельгию, чем поступлением во французскую армию в качестве солдата.

Ораму было приказано немедленно позаботиться о переправе Бергена через границу, а я в это время спешно инструктировал его относительно нужной нам информации, подчеркивая, главным образом, необходимость организации постов наблюдения за поездами. Я подробно объяснил ему функционирование этих постов и характер требуемой информации: состав

каждого воинского поезда, время его прохождения и т. д. Повторений не требовалось: короткий, решительный кивок и сосредоточенный взгляд показали мне, что его дисциплинированный ум воспринимает все сразу. Избегая компрометирующих записей, он заучил на память имя и адрес хозяина одного кафе в Антверпене, которому он должен был передавать или пересылать свои донесения. Он сам должен был именоваться М-60, цифра, которая одновременно являлась опознавательным знаком и паролем. Он сразу понял необходимость скрыть свое настоящее имя от антверпенского „почтового ящика“.

Так как луна была на ущербе, он через три дня был на пути к границе вблизи Эйндохвена, порученный заботам Шарля Виллекенса, который был одним из наших лучших агентов-проводников. Проползая на животе под электрическим проводом, Вилленкс, благодаря резиновым перчаткам и сапогам, благополучно переправил Бергена через границу. Позже мы узнали, что он довел его до маленькой деревушки Молль, откуда Берген продолжал путь один.

Мы с беспокойством ожидали новостей. Мы каждую неделю получали сообщения от владельца кафе, или „почтового ящика“ в Антверпене, который с помощью курьера посылал их нашему агенту на границе. К концу третьей недели Орам принес нам первое донесение о движении поездов с поста, расположенного в Херенте за Лувеном, на линии Лувен—Брюссель. Оно было написано тушью на тончайшей бумаге так, чтобы курьер мог его спрятать под лентой своей шляпы, в подкладке, башмаках или еще где-либо в том случае, если его остановят и обыщут на пути от „почтового ящика“ до границы. В дополнение к этому донесению Берген просил передать, что он работает над организацией других постов, но это весьма трудно, так как ему нужно найти не только подходящих людей, но, кроме того, эти люди должны жить в домах, расположенных непосредственно у железнодорожной линии. Вскоре он организовал другой наблюдательный пост на линии Лувен—Льеж. Теперь мы были осведомлены обо всем движении через Лувен, так как путем вычисления могли получать дан-

ные о движении по относительно менее важной линии Лувен—Малин.

Донесения поступали регулярно в течение четырех месяцев. Берген писал, что возлагает большие надежды на друзей в Генте, обещавших организовать там наблюдательные посты. Я был очень доволен, так как и некоторые другие наши ячейки начали посылать нам свои первые донесения, и наша сеть постепенно расширялась.

Неожиданно мы узнали, что наш курьер, доставлявший донесения из Антверпена к границе, арестован. Позже от другого антверпенского агента, которому мы поручили расследовать это дело, мы узнали, что владелец кафе, который выполнял функции „почтового ящика“ или связующего звена, также был арестован. Мы больше ничего не слыхали о Бергене. По прибытии в Брюссель после перемирия я узнал, что он был расстрелян вместе с двумя другими антверпенскими агентами, которые работали на него в Льеже.

Мне так и не удалось узнать, что привело его к аресту. Однако было совершенно ясно, что раз „почтовому ящику“ не было известно ни имя Бергена, ни имя курьера, а Бергену не было известно имя последнего, то германская тайная полиция подождала с арестом до тех пор, пока не проследила всех нитей организации. Я думаю, что Берген провалился первым. Хорошо одетый и явный джентльмен по внешности, он возбудил подозрения своим общением с железнодорожниками, которые работали в качестве наблюдателей, и с владельцем кафе, расположенного в самом бедном квартале и посещаемого, главным образом, лодочниками. Мы советовали ему пользоваться услугами посредника для сношений с этими людьми и удовольствоваться руководством их работой, оставаясь в тени, но он, по всей вероятности, не обратил внимания на наше предупреждение. Германский агент мог проследить за ним или его курьером до „почтового ящика“ и увидеть, как он передает им донесения. Немцы, по своему обычному методу, схватили всех, кто только имел какое-либо соприкосновение с подозреваемым ими агентом. Наша задача

была подобна задаче похитителя, пытающегося собрать деньги с родственников жертвы под бдительным наблюдением полиции. Мы никогда не могли полностью разрешить эту задачу. Все, что мы могли сделать, чтобы избежать катастрофы, подобной катастрофе Франкиньюля, и полного прекращения поступления сообщений из Бельгии, это—следовать нашему громоздкому плану и работать с дюжиной одновременно функционирующих организаций, каждая из которых совершенно независима от других в каждом своем звене, начиная от наблюдательного поста и кончая агентом связи с Голландией.

После войны в Брюсселе я познакомился с священником из Гента, принадлежавшим к ордену францисканцев; последний рассказал мне, что именно он был тем другом, о котором нам писал Берген. Он уже организовал два наблюдательных поста, которые были готовы начать функционировать, но в это время связь с Лувеном была прервана. Он сговорился с Бергеном завербовать других членов своего ордена в различных частях Бельгии, но после ареста „почтового ящика“ он не имел больше никаких способов связи и был вынужден отказаться от своих планов.

В ячейках, которые мы организовали позже, мы использовали многих священников. Они были превосходными агентами. Для них не существовало пропасти, отделявшей бельгийских деловых людей от людей свободных профессий и рабочих. Они могли посещать все слои населения, не возбуждая подозрений. Нам нужны были интеллигентные люди, но все же мы не могли обойтись без рабочих-железнодорожников, контрабандистов, владельцев маленьких кафе, лодочников и крестьян, работавших в пограничной полосе. Ясно, что часто бывало очень трудно создавать между ними связь.

В течение значительного промежутка времени, пока нам не удалось организовать второй пост, один только пост Бергена давал союзникам информацию о движении войск по этой важной артерии. Войска, присылавшиеся из Германии в качестве подкреплений для всех секторов германского фронта между Верденом и морем, должны были проезжать через Льеж или

Трир. В Льеже железнодорожная линия разветвлялась на две артерии: одна шла через Брюссель, другая — через Намюр. Действительно, четвертая германская армия под командованием герцога Альбрехта Вюртембергского поддерживала связь с Германией исключительно по линии Брюссель — Льеж. Неудивительно поэтому, что германская контрразведка так тщательно расставляла свои западни.

Глава пятая

НАБЛЮДАТЕЛИ ЗА ПОЕЗДАМИ И „ФЛАНЕРЫ“

Стоять у пересечения железнодорожных путей и смотреть на проходящий поезд легко, но вести регулярное наблюдение за всеми поездами, проходящими через данный пункт, и отмечать время прохождения и состав поезда—дело совершенно иное. Оно не должно было прерываться ни днем ни ночью, причем надо было отмечать все подробности. Совершенно очевидно, что подобное наблюдение могло вестись только из дома, расположенного у железнодорожной линии.

Немцы знали, что мы делаем, так как они захватили всю организацию Франкиньяля так же, как и многие другие организации. Ввиду этого, дозоры их тайной полиции постоянно обходили пути и следили за каждым домом, в котором мог бы найти себе приют наблюдатель.

Когда такой агент, как Берген, приступал к организации ячейки, то главное затруднение заключалось в нахождении агентов, живущих непосредственно у железнодорожных путей. Поместить в подобный дом новое лицо—значит вызвать подозрение немцев. Поэтому, как правило, приходилось убеждать одного из постоянных жильцов нести эту службу. Для того чтобы это сделать, нужно было либо самому быть достаточно знакомым с данным лицом, чтобы существовало взаимное доверие, либо приходилось вести переговоры через общих друзей. В этом отношении нам был очень полезен Моро, так как служащие железных дорог живут обычно вблизи железнодорожных

путей, и письма от их бывшего начальника было достаточно, чтобы установить полное доверие.

Наблюдение должно было вестись двумя сменами, и очень часто эта работа выполнялась мужем и женой. Им приходилось думать о том, чтобы ночью у них не было видно света и чтобы днем их не заметили у окна в момент наблюдения за путями. Работа была монотонна, и для того чтобы ночи и дни следить за проходящими поездами, отмечая состав каждого поезда, даже в тех случаях, когда перевозился только провиант или военное имущество, требовалась величайшая преданность делу и честность.

Состав поездов отмечался с помощью сокращений: „пл.“—означало обычный товарный вагон для скота или теплушку, „в.“—пассажирский вагон, „плоск. пл.“—платформы, „высокие пл.“—открытые платформы со стенками, „крытые пл.“—платформы, крытые брезентом. Поезд, перевозивший пехоту, обозначался следующим образом: „10:15, 1 в. офиц., 33 пл. солдат, 3 пл. лошадей и 6 плоск. пл.“. Артиллерийская часть могла иметь следующий состав: „1 в. офиц., 10 пл. солдат, 20 пл. лошадей, 4 плоск. пл. пушек и 8 плоск. пл. зарядных ящиков“.

Например, эшелоны дивизии всегда можно было отличить от эшелонов пополнений или от эшелонов отпусков или возвращающихся из отпуска.

Поезда, перевозившие боевые части, неизменно шли один за другим непрерывным потоком, так как дивизии обычно перевозились, как единое целое. В начале войны для перевозки пехотной дивизии требовалось пятьдесят два поезда, но с течением времени батальоны часто сокращались с 1000 до 600 чел., и, таким образом, для перевозки дивизии часто хватало тридцать—сорок поездов. Как правило, при перевозке одной дивизии в сутки проходило от восьми до двенадцати поездов, но при подготовке к наступлению через один наблюдательный пост проходило в сутки до двадцати поездов. В промежутках проходили отдельные эшелоны с тяжелыми пушками, понтонами или какими-либо другими частями усиления.

Прохождение через узловую станцию дивизии, перевозимой с востока на запад или с запада на восток,

или же с одного сектора западного фронта на другой, требовало обычно от четырех до шести суток. Чем больше было расстояние, которое дивизии надлежало проехать, тем больше был промежуток времени между отдельными поездами.

Пробег воинского поезда с западного фронта на восточный продолжался 106 часов, в то время как для пробега поезда в обратном направлении требовалось 127 часов. Лишние часы для войск, едущих с русского фронта, уходили на дезинфекцию на специальных дезинфекционных станциях на русско-германской границе. Передвижение отдельных эшелонов интересовало нас мало, но если продвижение эшелонов продолжалось без перерыва в течение двух или трех недель, к тому же со строевыми частями, это являлось ясным признаком сосредоточения к готовящемуся наступлению.

Поезда с отпускниками также имели свое значение: при подготовке к наступлению поезда с отпускниками прекращались. По этому признаку мы всегда знали, что что-то готовится.

Поезда с пополнениями служили ценным указанием на понесенные немцами потери. Агенты всегда тщательно отмечали приблизительный возраст людей, так как это давало нам возможность учитывать людские резервы, которыми располагала Германия. С течением времени в качестве пополнений подвозились люди старше и моложе установленных пределов, причем число их постоянно возрастало.

В дополнение к воинским поездам были также поезда, перевозившие провиант и военное имущество. Сведения о составе этих поездов нас не интересовали, но мы требовали их от агентов, так как это заставляло последних все время быть на чеку.

В случае наличия большой организации донесения отбирались у наблюдателей ежедневно, затем переписывались на тонкой бумаге на пишущей машинке или писались тушью чертежным пером. Удивительно, что мы находили очень мало ошибок, и я не помню ни одного случая, когда нам пришлось бы отказаться от агента на оккупированной территории Франции или Бельгии из-за неправильности донесений.

Очень важно было, чтобы наблюдатели опознавали проезжающие части; это затруднялось тем, что немцы сняли или прикрыли шифровку на петлицах и погонах, а эти знаки являлись единственными для опознавания при непосредственном наблюдении. Для этой информации нам все более и более приходилось полагаться на добросовестность и ловкость агентов, которые могли вступать в беседу с солдатами на железнодорожных станциях, или на наших „фланеров“, которые могли наблюдать за частями, когда они выгружались из поездов в зонах отдыха.

В задачу „фланеров“ входило—переходить из одного населенного пункта в другой, не привлекая к себе внимания германской тайной полиции. Они являлись нашим единственным средством для установления нумерации и категорий германских полков и дивизий в различных зонах отдыха. Последние были четко разграничены, так как все зоны отдыха входили в этапный район, включавший в себя всю Фландрию и часть Бельгии, граничившую с Францией. В населенных пунктах все дома, в которых могли быть размещены войска, были занесены в особые списки. Поэтому, когда одна дивизия уходила, другой дивизии было легче занять ее место, чем искать новые квартиры. Офицеры могли направляться прямо на свои квартиры, артиллеристы знали, где найти самые удобные помещения для зарядных ящиков и пр.

Наличие определенных зон отдыха германских дивизий, с одной стороны, облегчало работу наших агентов, но, с другой стороны, затрудняло ее, так как это давало немцам возможность иметь постоянный полицейский персонал, который, зная всех местных жителей, сразу отмечал появление нового лица или какие-либо необычные для постоянного жителя занятия. За гражданским населением в этих зонах велось более тщательное наблюдение, чем в других местах.

В начале войны установить нумерацию германских полков было легко, так как номер полка имелся на погонах. Пехотинцы носили погоны с красным кантом, артиллеристы—с черным и т. д.

В последние годы войны погоны были прикрыты или сняты, но наши агенты, имевшие доступ к гер-

манским войскам, продолжали с легкостью определять номера дивизий и полков; солдаты, особенно саксонцы, были дружелюбны и разговорчивы. Солдаты из разных частей Германии, как, например, из Баварии, Саксонии и т. д., различались по кокардам на фуражках. Это нас не интересовало, так как мы знали, в какой части Германии формировался каждый полк. Так, мы знали, что 25-й пехотный полк входил в состав 8-го корпуса (15-я и 16-я дивизии) и что округ 8-го корпуса расположен в Прирейнской области.

Когда мы встречали один батальон 25-го полка, то и без поисков знали, что остальные два находятся в том же районе. В британской армии пришлось бы разыскивать каждый отдельный батальон, так как три батальона одного полка часто входили в состав трех совершенно различных дивизий.

Состав постоянной армии или довоенных дивизий, подобных тем, о которых я только что упоминал, был нам известен до войны, но с самого начала войны немцы начали формировать новые дивизии. Ввиду этого необходимо было собирать дополнительную информацию либо посредством опроса пленных, либо с помощью агентов секретной службы. Этим путем британская Главная квартира постепенно составила свою „Коричневую книгу“, в которой был указан состав каждой дивизии германской армии.

Располагая этими сведениями, требовалось только узнать номер одного германского пехотного полка, расположенного в определенной зоне, чтобы обнаружить всю дивизию. Нам было легко инструктировать „фланеров“ в том, какие им следовало искать части, так как организация германской дивизии была чрезвычайно проста. В начале войны германский армейский корпус состоял из двух дивизий, каждая дивизия—из четырех пехотных полков, двух полков полевой артиллерии (состоявших, в свою очередь, из девяти пушечных батарей и трех гаубичных батарей), трех кавалерийских эскадронов, одной или двух саперных рот, мостового парка и одной или двух рот санитарно-носильщиков. Каждый пехотный полк состоял из трех батальонов и каждый полк полевой артиллерии—из двух или трех дивизионов, состоявших, в свою оче-

редь, из двух или трех шестипушечных батарей. Общая численность дивизии равнялась 20 тыс. чел., но с течением времени это число постепенно падало, пока не дошло до 12 тыс. чел., и состав пехотной дивизии уменьшился с четырех полков до трех.

Толковый „фланер“ работал систематически, не успокаиваясь до тех пор, пока ему не удавалось опознать все части. Мы, в свою очередь, сверяли полученные данные с „Коричневой книгой“, которая не только обеспечивала контроль, но и давала часто возможность устанавливать происходившие иногда в составе дивизии изменения. В нашей обширной организации донесения „фланеров“ собирались по два раза в неделю, перепечатывались на машинке и затем передавались нам вместе с донесениями наблюдателей за поездами. В Роттердаме, следя за движением войск через различные узловые станции, мы одновременно изучали донесения „фланеров“ и нередко могли следить за дивизией до ее зоны отдыха и там уже узнавать ее номер.

Глава шестая

СЕНАТОР-РАЗВЕДЧИК

Я должен признаться, что до личного знакомства с бельгийской социалистической партией и ее руководителями у меня было очень слабое и превратное представление о ней. Партия имела тысячи приверженцев в валлонской части Бельгии, но ее оплотом была Фландрия, главным образом, Антверпен. Вследствие этого даже бельгийцы, подобно мне, смешивали социалистов с фламандскими активистами — радикальной группой, которая стремилась к отделению Фландрии от Бельгии. Они создавали большие затруднения для социалистов и для громадного большинства патриотически настроенных фламандцев и являлись орудием в руках немцев, которые поддерживали каждое движение, способствовавшее расколу между фламандской и валлонской частями Бельгии. Официальным языком Фландрии был объявлен вместо французского фламандский, Гентский университет принял ярко выраженный фламандский характер и начала печататься руководимая немцами, широко распространенная фламандская газета, пропагандирующая сепаратистские и пораженческие идеи. Активисты пытались создать независимое фламандское государство, а немцы рассчитывали, что восстание создаст ряд затруднений для Бельгии.

Надеясь вовлечь социалистическую партию в подобную работу, немцы, несомненно, пытались привлечь на свою сторону бельгийских социалистов. Германские власти смотрели сквозь пальцы или старались не замечать деятельности социалистов, которую рассма-

тривали бы как тяжкое преступление, если бы она исходила от более консервативно настроенных бельгийцев, и предоставляли социалистическим лидерам ряд привилегий, как, например, право неограниченного передвижения по всей стране, которыми не пользовались другие бельгийцы. Поэтому многие бельгийцы, главным образом, валлонцы и члены католической партии, были яростными противниками социалистов и пользовались всяким случаем, чтобы поносить их, как „германофилов“.

Под влиянием рассказов бельгийских беженцев я был настроен против социалистов, но все же согласился встретиться с Камиллом Гюисманс, который считался „пацифистом“ и который, наряду с Вандервельде, был одним из самых крупных лидеров социалистической партии. Он только что вернулся из Гавра и по каким-то причинам находился в Голландии.

Когда я встретился с ним в Гааге, его сопровождал какой-то человек, недавно прибывший из Бельгии, которого он мне представил как сенатора Колло. Он был сенатором в довоенное время, а сейчас занимал высокий пост в социалистической партии. Он получил от немцев паспорт на три дня для переговоров с Гюисмансом.

Представьте себе мое удивление, когда Колло в присутствии Гюисманса предложил организовать в Бельгии наблюдение за поездами, если я смогу организовать сбор донесений в Антверпене или Льеже. Он сообщил мне, что стоит во главе всех бельгийских социалистических кооперативных обществ и что, благодаря этому, располагает связями почти во всех городах и местечках. Громадное значение имело еще то обстоятельство, что он имел разрешение свободно передвигаться по всей стране. Открытое и честное лицо этого пожилого сенатора мгновенно рассеяло все сомнения, вызванные моим предубеждением против социалистов. Я понял, что это был превосходный случай, и ухватился за него. Мы условились встретиться на следующий день в одном частном доме, где я мог в обстановке строжайшей тайны проинструктировать Колло относительно характера требуемой нами информации и дать ему адрес одного ант-

перпенского „почтового ящика“, которому он мог передавать свои донесения.

После последнего свидания с Колло я получил донесение из Антверпена. Антверпенский „почтовый ящик“, имя и адрес которого я сообщил Колло, был арестован, а сенатор должен был вернуться в Бельгию. Я знал только о том, что срок его паспорта истекает на следующий день и что он должен был ехать поездом, отходящим рано утром. Мы расстались с ним посемь или девять часов тому назад, и он мог находиться в любом месте от Маастрихта до Гааги.

Было одиннадцать часов вечера, и я немедленно выехал в Гаагу. У меня был адрес дома, в котором жил с несколькими приятелями Камилл Гюисманс. К счастью, электрический поезд, соединяющий Роттердам с Гаагой, еще ходил, и в полночь я уже стоял у дверей дома и неистово звонил.

Я узнал, что Колло все еще был в Гааге и что Гюисманс должен был увидеться с ним в семь часов утра. Я передал ему для Колло адрес нового „почтового ящика“ в Антверпене и весьма неохотно сообщил ему об аресте нашего агента.

Я начал серьезно сомневаться в том, что Колло выполнит намеченную работу. Я чувствовал что после подобного сообщения нужно быть очень смелым человеком, чтобы продолжать идти по этому пути. Он выполнял общественные функции, имел семью, ему было около шестидесяти лет — возраст, в котором большая часть людей скорее избегает приключений, чем ищет их.

Однако, недели через две я получил его первое донесение. Оно содержало сообщения о наблюдениях на поездах с четырех постов, организованных им в Льеже. Они обеспечивали наблюдение круглые сутки и давали подробную картину продвижения войск через Льеж, самую важную узловую станцию в Бельгии.

Из Германии к западному фронту, между Верденом и морем, шли всего две большие железнодорожные артерии: одна через Льеж и другая — через герцогство Люксембург. Эти четыре поста, сообщавшие обо всех движениях по линиям Льеж — Брюссель, Льеж — Намюр, Льеж — Вервье и по линии Урт..., давали союзникам

чрезвычайно важную информацию. Затем было организовано четыре поста в Намюре, охватывавшие все движение через этот узловой пункт, по линиям Намюр — Монс, Намюр — Арлон, Намюр — Динан и Намюр — Брюссель. Следующим центром был Брюссель. Здесь он организовал четыре поста на линиях: Брюссель — Гент, Брюссель — Галь, Брюссель — Намюр и Брюссель — Лувен. Благодаря всем этим постам, постам Бергена в Лувене и нескольким другим независимым постам, организованным в качестве запасных и контрольных, мы не только могли следить за каждым передвижением войск в Бельгию или из Бельгии в Льеж, но с помощью постов в Брюсселе и Намюре мы могли сказать, на какой участок фронта направляются войска или с какого участка фронта они едут.

Полковник Оппенгейм перестал жаловаться на бездеятельность разведки. В добавление к вышеуказанным документам я посылал ему донесения из Германии и результаты опросов германских дезертиров, — последняя служба была мной организована недавно.

Такое положение дел продолжалось шесть месяцев. Если Колло не увеличивал числа постов, то это была наша вина. Мы проповедывали осторожность, так как под его руководством работало уже около 30 агентов, а мы знали, что каждый новый пост увеличивал опасность обнаружения. Мы старались создать собственный „почтовый ящик“ в Намюре, с нашим собственным курьером к границе у Визэ, и намеревались предоставить эту связь в его распоряжение для абсолютно независимой организации в районе Монса (откуда мы собирались проникнуть в оккупированную часть Франции), когда вся его организация внезапно провалилась.

Это была старая история: сначала был схвачен „почтовый ящик“ в Антверпене, а затем германская тайная полиция устроила засаду курьеру, доставлявшему донесения. Мы узнали, что этот курьер был сам Колло.

Колло не был казнен. Он обязан жизнью вмешательству социалистов. Вандервельде просил шведского премьер-министра, социалиста Брантинга, обратиться

к Шейдеману, и немцы, следуя своей политике заигрывания с социалистами¹, отменили смертный приговор и заменили его пожизненным заключением.

Когда я встретил Колло в Брюсселе после заключения мира и спросил его, почему он компрометировал себя, выполняя обязанности курьера, он без всякой аффектации ответил, что это была самая опасная функция в его организации и что поэтому он выполнял ее сам. Он прибавил, что представлялось маловероятным, чтобы он выдал своих товарищей в случае, если он будет захвачен, так как немцы, ввиду его связей с социал-демократами, не посмели бы применить к нему пытки. Наконец, он считал, что, имея разрешение на передвижение по всей стране, он меньше, чем кто-либо другой, вызовет подозрения.

За оказанные им услуги чудесный старик был назначен бельгийским королем Альбертом статс-секретарем, а британское правительство наградило его орденом Британской империи.

Что касается службы наблюдения за поездами, то она продолжала функционировать, так как к этому времени все посты Колло были дублированы.

¹ Речь идет, конечно, о „социалистах его величества“ (Ред.).

Глава седьмая

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ СВЯЗИ И ФАЛЬШИВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Переход через границу был для нас самой трудной задачей. Это было также самой опасной задачей для наших агентов. В пограничной зоне германская тайная полиция сосредоточила все свои силы. Они, так же как и мы, знали, что сведения не имели никакой цены до тех пор, пока они не попадали в Голландию. Граница между Бельгией и Голландией легче остальных поддавалась наблюдению, так как не только представляла собой определенную линию, на которой можно было сосредоточить наблюдение, но здесь можно было протянуть электрический провод и поставить непрерывную цепь часовых, каждый из которых мог видеть с обеих сторон своих товарищей.

Я уже описывал проводников, этих смелых людей типа браконьеров, которые в резиновых перчатках и чулках темной ночью переходили границу, когда часового находился на самом отдаленном конце охраняемого им участка, и которые всегда были готовы в опасную минуту пустить в ход револьвер или нож. Ими было убито несколько старых ландштурмистов, но это не так ужасно, как десятки бельгийцев, обожженных и обугленных на электрическом проводе.

Самым ловким агентом-проводником был Шарль Виллекенс, сильный мускулистый парень двадцати пяти лет. Фламандец, он был родом из Кампина. Здесь жили люди, которые в мирное время пополняли собой ряды контрабандистов, доставлявших товары через границу между голландским и бельгийским Лимбургом.

В течение трех лет Виллекенс регулярно, каждый месяц, переходил границу и жил в Эйндховене, в Голландии. Немцы были превосходно осведомлены о его деятельности, так как он переправил в Голландию не мало беженцев, которые не всегда были достаточно скрытны. Но им не удавалось его поймать. Он проскальзывал в безлунные ночи через границу, словно угорь, а затем кустарники и многочисленные приятели скрывали его от германской тайной полиции.

Были и другие фламандские проводники из Кампина, которые имели всевозможные прозвища, как, например: „Лисица“ или „Малыш“. Мы иногда пользовались их услугами, но я никогда не доверял им. Они прежде всего стремились к наживе, и я знал, что ради того, чтобы переправить двух или трех беженцев, которые дадут им от 500 до 1000 франков с человека, они могли рискнуть жизнью наших агентов.

Виллекенс был человеком другого склада. Поступив к нам на службу, он отказался от переброски беженцев. Для него переход через границу был развлечением, это забавляло его. Он играл важную роль в нашей работе, так как доставил в Бельгию всех наших лучших агентов.

Мы редко пользовались услугами проводников для доставки донесений и прибегали к ним только в тех случаях, когда не располагали никакими другими средствами. Основной метод связи через границу состоял в переброске донесений через провод, когда германские часовые ослабляли наблюдение. Для этой цели обычно использовались крестьяне, обрабатывавшие свои поля по обеим сторонам границы. Они имели право находиться вблизи провода и поэтому не привлекали к себе внимания часовых. Этот способ казался простым, но на самом деле он был исключительно трудным, так как германская тайная полиция была вездесуща и всегда настраже. Также трудно было заставить бельгийского крестьянина поверить своему голландскому соседу, так как он знал, что если его поймают, то он будет расстрелян. Все же этот способ переброски донесений был значительно

лучше доставки их через границу агентами, поскольку он не требовал абсолютной ночной темноты и мог осуществляться регулярно.

В дополнение к этим способам мы использовали и ряд других, как, например, лодочников, которые, доставляя провиант и муку американским и голландским благотворительным организациям, проезжали по многочисленным каналам Бельгии, проникая даже в оккупированные французские области. Этот способ связи был бесконечно ценным для обеспечения контакта с далеко отстоящими пунктами, как, например, Куртрэ. Им мы поддерживали связь с доверенными лицами, адреса которых нам были даны беженцами; во многих случаях создавались крупные организации, посылавшие своих собственных курьеров к нашим „почтовым ящикам“ в Брюсселе и Антверпене.

В начале 1916 г. нам приходилось рассчитывать на этих лодочников для доставки донесений от нашего антверпенского „почтового ящика“. Владелец гавани в Антверпене — один из наших агентов — собирал донесения и передавал их тем лодочникам, которым он доверял. Эти лодочники проявили во время войны высокий героизм. Они рисковали жизнью, а также конфискацией своих лодок — этого единственного средства добывания пропитания для всей семьи. Оставляя свои лодки или возвращаясь к ним, они рисковали подвергнуться обыску германской полиции. Некоторые из них были схвачены, некоторым чудом удалось спастись. Однажды один из них, внезапно подвергшись обыску, догадался зажать донесения в поднятых над головой руках; его тщательно обыскали, но донесений не нашли.

Угроза расстрела и потери собственности была страшным оружием в руках немцев в борьбе с лодочниками. Никто не чувствовал этого сильнее, чем я, когда после заключения мира я очутился перед госпожей ван Эйк и ее малышами; ее положение было очень тяжелым, несмотря на пенсию, выплачиваемую ей британским правительством. Я был сильно взволнован при виде их печальных лиц, так как их жертва была принесена напрасно: отец семейства был расстрелян за то, что он был захвачен с одним мало-

важным донесением, и у семьи была отнята лодка—ее единственное достояние.

Почтовые голуби—первое средство, которое приходит на ум для создания связи, не оправдали ожиданий. Мы применяли их с весьма ничтожными результатами. То, что казалось самым трудным, оказалось на деле самым легким: курьеры без всяких затруднений доставили птиц на место. Однако содержание их в Бельгии, не вызывая подозрений немцев или любопытства назойливых соседей, оказалось слишком трудным делом. Помимо того, даже после благополучного вылета многие птицы терялись и часто уничтожались немцами.

В первый период войны, когда множество бельгийских женщин и детей получали разрешение на выезд в нейтральные страны, донесения зашивались в их одежду или вкладывались в специальные капсулы, которыми мы снабжали наших агентов. Однако к 1916 г. немцы почти прекратили выдачу разрешений на выезд, и те немногие бельгийцы, которым разрешалось покидать Бельгию, обыскивались настолько тщательно, что капсулы, удерживаемые на месте мускулами заднего прохода, всегда попадали в немецкие руки.

Письма по почте, написанные симпатическими чернилами, не посылались нами. Во-первых, письма задерживались германской цензурой так долго, что содержащиеся в них сведения теряли всякую ценность. Во-вторых, достаточно было простого нагревания и примитивнейших проявителей, которыми обрабатывалось множество писем для того, чтобы тайнопись выступила наружу.

Способ Франкиньяля, заключающийся в том, что агент прятал донесения в маастрихтский трамвай, нами не был использован, так как после провала организаций Франкиньяля немцы останавливали все поезда и трамваи, пересекавшие границу, и заставляли людей проходить через загородку, за которой их ожидали голландские средства транспорта.

Мы пытались перебрасывать донесения с помощью стрелы, но после благополучной переброски четырех или пяти донесений наш агент был схвачен. Этот способ слишком бросался в глаза, чтобы им можно было

пользоваться под неусыпным наблюдением немцев, и мы его оставили.

По той же причине мы никогда не пользовались сигнализацией в какой бы то ни было форме.

Применение радио исключалось, так как было очень легко определить местонахождение передающей станции с помощью радиопеленгаторов¹.

После перехода границы следующим по своему значению агентом на оккупированной территории был „почтовый ящик“. Он служил связующим звеном между организациями, работающими внутри страны, и курьерами, передающими донесения проводникам.

Люди, выполнявшие обязанности „почтового ящика“, подвергались почти такой же опасности, как проводники. Они не только рисковали быть обнаруженными вследствие собственной неосторожности, но могли быть скомпрометированы как организацией внутри оккупированной страны, так и курьером, доставляющим донесения к границе. Более того, передвижение обоих курьеров само по себе являлось источником опасности, так как немцы всегда относились с подозрением к людям, передвигающимся с места на место.

В Антверпене большая часть наших „почтовых ящиков“ были владельцы небольших кафе, которых в городе было великое множество. Чужой человек мог войти в кафе, не вызывая подозрений, а это было особенно важно в тех случаях, когда „почтовый ящик“ был связан с лодочниками, работавшими в качестве курьеров, так как лодочники всегда возбуждали подозрение немцев и за ними часто велась слежка.

Положение „почтового ящика“ было особенно опасным еще потому, что он не мог скрыть своей личности от обоих курьеров. Последние могли работать под вымышленными именами и не давать своих адресов, но для „почтового ящика“ это было невозможно. Далее, при организации новой ячейки наблюдения за поездами мы иногда бывали вынуждены писать имя

¹ Необходимо добавить, что в то время не было портативных радиостанций и, следовательно, их маскировка представляла непреодолимые трудности (Ред.)

и адрес „почтового ящика“ для передачи на оккупированную территорию. Поступая таким образом, нам приходилось нарушать один из основных принципов секретной службы: никогда не писать имен и адресов в письмах, которые могут быть перехвачены противником.

„Почтовые ящики“ подавали курьерам сигнал о том, что путь свободен. При этом необходимо было следить за тем, чтобы не привлечь внимания соседей или германской тайной полиции. Я всегда старался внушить „почтовым ящикам“ необходимость максимальной естественности при подаче сигналов, например, если путь был свободен, то такой предмет, как горшок с цветами, должен был стоять на окне постоянно и убираться с окна только в случае опасности, или же ставни всегда должны быть оставлены в определенном положении. Это было гораздо лучше, чем особый знак в те дни, когда ожидалось прибытие курьера. Я знаю, что один из наших „почтовых ящиков“ провалился потому, что ставил цветы на окно каждый вторник и пятницу, т. е. в те дни, когда курьер забирал донесения, что и было замечено одним агентом германской контрразведки.

Подобные сигналы были абсолютно необходимы, так как „почтовый ящик“ и курьер к границе неизменно проваливались в первую очередь. В случае, если курьер из внутренней зоны, неизвестный „почтовому ящику“, своевременно предупреждался об опасности, то можно было спасти всю организацию.

Помимо непосредственного посещения дома или кафе и передачи или приема донесений, мы испытывали ряд других способов связи. Выбрасывание донесений через открытое окно с успехом использовалось нами в тех случаях, когда дома были расположены таким образом, что это не возбуждало подозрений. Единственным преимуществом этого способа было то, что он позволял избегать непосредственного контакта „почтового ящика“ с курьером.

Личные свидания оказались неудачными. Они основывались на встрече двух незнакомых людей в определенные дни и часы в кафе или в каком-нибудь другом месте, как, например, на улице. Мы однажды

на целые две недели потеряли связь с одной важной организацией из за того, что курьеры никак не могли встретиться, так как для каждого свидания назначалось разное время и место встречи. Однако главное затруднение заключалось в том, что курьерам по необходимости приходилось проезжать известное расстояние, иногда до пятидесяти миль, и, так как им постоянно приходилось принимать ряд предосторожностей, невозможно было точно фиксировать время встречи.

Мы только в одном случае пользовались бессловесным „почтовым ящиком“, т. е. потайным местом, где донесения оставлялись одним курьером и вынимались другим. Эти курьеры не знали друг друга и направлялись к одному пункту из двух противоположных направлений. Неудобство этого способа заключалось в том, что какой-либо ребенок или прохожий мог случайно найти донесения или заметить, когда их там оставляли. Один из наших агентов завербовал двух курьеров: одного из Оденара (?), другого из Брюсселя. Каждому из них порознь он показал в стене одного старого полуразрушенного дома кирпич, который легко вынимался и за которым можно было прятать донесения. Этот тайник использовался нами в течение восемнадцати месяцев, до момента заключения мира. Хотя это было очень удобно, все же только необходимость заставила нашего агента прибегнуть к этому способу. В течение некоторого времени он сам играл роль „почтового ящика“ для этих курьеров, но позже, когда ему по семейным обстоятельствам пришлось перебраться на жительство в Льеж, он был вынужден прибегнуть к тайнику в стене, так как он не знал в данном месте никого, кому бы он мог передать свои функции.

Я узнал об этом только после заключения мира. Если бы это стало известно мне раньше, то я бы очень волновался, так как донесения из Оденара шли из этапного района и из зоны отдыха и были очень важны, а прикрытие из одного кирпича было весьма слабой защитой для тайника, устроенного в осыпающейся стене.

Я считаю необходимым упомянуть об одном голландце—Гессельте, владельце типографии в Роттер-

даме. Он был настолько опытным гравером, что подделка самых сложных германских личных карточек, паспортов, удостоверений об увольнении с военной службы и любых других документов не представляла для него никаких затруднений. Он мог подделать любую бумагу или печать, а подписи и резиновые печати были его особой специальностью. Подделка бельгийских личных карточек была для него простым делом. Каждая немецкая комендатура (а в Бельгии их было великое множество, по одной на каждый большой город и его округ) имела свои особые личные карточки. Форма была установлена для всех их одинаковая, но бумага и печать в каждой комендатуре были различные. Однако Гессельту удавалось точно подделывать качество и цвет картона, употребляемого различными типографиями, хотя в некоторых случаях ему приходилось заказывать материал в Англии. Эти карточки, которые должен был иметь при себе каждый бельгиец, изготовлялись из тонкого коричневого картона, размером пять дюймов на четыре. На одной стороне карточки заносилось описание наружности ее владельца, фотография с печатью и подписью начальника полиции, а на другой стороне — дата каждой регистрации в комендатуре.

Вооруженные резиновыми печатями, личными карточками и подписями для каждой комендатуры или округа в Бельгии, мы могли снабжать нужными документами наших агентов, посылаемых на оккупированную территорию. Единственная возможность захватить носителя подобных документов заключалась в сличении с немецкими регистрационными списками, в которых значились даты явки всех граждан. В большинстве округов явки происходили раз в месяц. Эти даты явки печатались нами на обратной стороне регистрационной карточки, но мы, понятно, не могли подделать списков в комендатуре. Бельгийцы должны были иметь личные карточки при себе и предъявлять их по первому требованию. Наши карточки всегда выдерживали подобную случайную проверку.

Наличие фальшивой личной карточки могло или спасти или погубить ее предъявителя. Простое предъ-

явление карточки обычно было достаточным, чтобы удовлетворить немцев при периодических обходах железнодорожных станций или других общественных мест. Но карточка становилась самым опасным документом, если владельца доставляли на полицейский пост для проверки, так как первым шагом всегда было сличение регистрационных дат. Если агенту угрожал неизбежный арест, то он первым делом старался избавиться от своей карточки. Если ему это не удавалось, то его единственное спасение заключалось в бегстве до привода на полицейский пост. Один из наших агентов, арестованный за какой-то незначительный проступок, совершил театральное бегство, выскочив из окна второго этажа. Он скрывался до тех пор, пока мы не смогли послать ему льежскую личную карточку, что дало ему возможность перебраться в этот город. Позднее он был доставлен в Голландию Виллекенсом. Многие скомпрометированные агенты были обязаны жизнью этому смелому человеку.

Документы, необходимые для отправки германских дезертиров и других агентов в Германию, за исключением документов отпускников, были значительно сложнее. Мы старательно отбирали эти документы у всех германских дезертиров и других немцев, проходивших через наши руки, и постепенно собрали основательный запас. Когда нам нужны были документы, замена фотографии, приложение к новой фотографии соответствующей печати, изменение имени и описание примет, мы с помощью особого средства бесследно удаляли прежние записи и вписывали то, что было нужно. Удивительно, до чего специалисту легко подделать подлинный документ! Немцы удаляли множество фотографий с подлинных паспортов лиц из нейтральных стран и заменяли их фотографиями своих разведчиков. Эта процедура была значительно проще, чем изготовление новых паспортов и прочих документов, так как имеется множество мелких деталей, которые могут ускользнуть от внимания гравера. Один германский разведчик провалился потому, что на его американском паспорте у орла нехватало одного когтя.

Должен признаться, что в начале работы я с большими опасениями доверял подданному нейтральной страны секретную работу по снабжению наших агентов нужными им документами, но с течением времени я стал доверять ему абсолютно. В течение двух с лишним лет Гессельт ревниво охранял наши тайны и проявлял такой энтузиазм в работе, который мог только сравниться с его поразительным умением.

Глава восьмая

ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЯЯ РАЗВЕДЧИЦА

Охрана бельгийско-голландской границы была возложена на ландштурм. Слишком старые для действительной службы на фронте, эти солдаты были способны нести охрану границы. От них только требовалось быть настороже и следить за тем, чтобы не происходило никакого контакта между жителями Бельгии и Голландии, и так как эти обязанности были нетрудны, то смены не требовалось, одни и те же ландштурмисты месяцами оставались на одном участке. Был отдан приказ о задержании всякого, кто будет замечен в передаче чего бы то ни было на голландскую территорию, и о стрельбе по людям, пытающимся перейти границу между Бельгией и Голландией. В деле изолирования Бельгии от Голландии ландштурмистам помогал провод с током высокого напряжения и германская тайная полиция в штатских костюмах, которая вела наблюдение за участками, расположенными по обе стороны провода.

Старый Фриц — по крайней мере, его так звал наш пограничный агент — был миролюбивый человек, оставивший дома жену и детей. Он тосковал по своей семье, и ему нравилось общество детей, приходивших иногда поиграть вблизи провода. Он особенно полюбил одну девочку четырнадцати лет, по имени Мари. Она напоминала ему его маленькую дочку, которую он не видел больше года.

Наш агент, который тоже был уроженцем Зельцете, но бежал из оккупированной территории в соседнее голландское селение, хорошо знал Мари. Ему было

нетрудно привлечь внимание ребенка и показать знаками, что она должна попросить у старого Фрица разрешения поговорить с ним. Это было строго запрещено, но старый Фриц был мягкосердечен. Ребенок не мог быть опасен. Наш агент имел при себе порядочный кусок ветчины, который он отдал Мари, велев ей поделиться с ландштурмистом. Для старого Фрица это было лакомство, какого он давно не видел.

Два раза в неделю наш агент приходил на границу. Он выбирал такое время, когда никого не было видно, даже агентов тайной полиции. Фрицу это казалось скорее разумным, чем подозрительным; он сам ненавидел этих людей, одетых в штатское платье, так как чувствовал, что они следят за ним так же, как и за противником. Фриц не видел ничего дурного в совместном лакомстве шоколадом или другими продуктами, приносимыми Мари. Щедрый друг жил в Голландии, где всего было много, и он знал, как трудно приходилось в Бельгии. Фриц считал вполне естественным, что этот человек приносит еду ребенку.

Целью нашего агента было завоевать доверие старого Фрица и воспользоваться помощью Мари для передачи писем своему приятелю в соседнюю деревушку Ваштебеке. Он хотел еженедельно получать донесения о номерах частей, расквартированных в районе Ваштебеке — Мербеке — Локерен, где всегда стояла на отдыхе какая-нибудь дивизия.

Старый Фриц настолько доверял Мари и настолько желанными стали вкусные передачи из-за границы, что в конце концов он стал ее соучастником и следил за появлением агентов тайной полиции, пока она быстро хватала пакет и обменивалась несколькими словами с бывшим соседом. Нашему агенту нетрудно было убедить Мари в необходимости ее помощи и в важности сохранения в тайне всех ее действий. Почва была подготовлена, и можно было приступить к работе. В пакетик с шоколадом было вложено письмо приятелю в Ваштебеке. Мари ловко прятала его в свою одежду.

Парень из Ваштебеке принял предложение и стал нашим агентом М-78. Он был толковый человек и быстро сообразил, что нам от него нужно. Он завер-

бовал еще шесть человек и проник до Гента, в районе которого всегда отдыхали одна или две дивизии.

Полковник Оппенгейм очень радовался этим донесениям, так как районы Гента и Ваштебеке, будучи наиболее отдаленными от фронта зонами отдыха, неизменно были заняты дивизиями, понесшими тяжелые потери, или дивизиями, прибывшими с русского фронта или из какого-нибудь отдаленного сектора западного фронта, как, например, из Вердена или Аргонн. Они оставались в этой зоне долгое время для реорганизации или укомплектования. Оpoznание подобных дивизий неизменно вызывало одобritельную телеграмму Главной квартиры. Я помню энтузиазм, вызванный опознанием в районе Ваштебеке дивизии, которая в последний раз была замечена на румынском фронте.

В течение двух лет М-78 и его агенты вели неуслыпное наблюдение. По временам они даже проникали в более отдаленную зону Тильта. Мари так ловко вела дело, что за все время не было случая, чтобы передаваемые ею донесения не попадали к нам в условленные дни. С течением времени Мари сама стала агентом-„фланером“. Ее донесения, охватывавшие район деревни Зельцете, были столь же добросовестны, как и донесения людей бывших намного старше ее. Вначале ее донесения были написаны на материи, в которую она заворачивала донесения М-78, но, по мере того, как ее сообщения увеличивались в объеме, она начала пользоваться обычной тонкой тканью, употребляемой регулярными агентами.

Мари было уже шестнадцать лет, и эта молоденькая девушка перехитрила старого Фрица и, что было значительно труднее, вездесущих агентов в штатском. Но каждый агент имеет свой срок жизни — истина, которая не однажды подтверждалась фактами. И Мари, хотя она и работала дольше, чем кто-либо из наших агентов, в конце концов провалилась. Это произошло не по ее вине. Она не знала, что люди в штатском, причисленные к сектору Зельцете, получили помощника и что, когда знакомый агент исчез в отдалении, предоставив ей, повидимому, свободу действий, вновь прибывший агент продолжал наблюдать за ней из окна соседнего дома.

К несчастью, он налетел на нее раньше, чем она могла избавиться от своих донесений. Она была за-
хвачена с поличным. Ее судили военным судом и при-
говорили к смертной казни. Однако без большого
попущения, германские власти, ввиду возраста Мари,
заменили смертную казнь заключением в тюрьму до
конца войны.

Старый Фриц исчез с границы. Я полагаю, что его
наказание ограничилось переводом на более тяжелую
работу ближе к фронту.

После заключения мира я встретился с Мари в Брюс-
селе. Ее привели ко мне родители, которые глядели
на нее с умилением. Теперь она стала героиней всей
деревни. Она была награждена британским орденом.

Глава девятая

ДЕЗЕРТИРЫ КАК ИСТОЧНИК ЦЕННЫХ СВЕДЕНИЙ

Время от времени германские дезертиры переходили через границу в Голландию. Наши пограничные агенты сообщали об этом, и голландские газеты тоже иногда упоминали об этих случаях. Однако я был настолько занят организацией нашей службы в Бельгии, что вначале не мог посвятить этому достаточно внимания. А затем, как я мог установить с ними контакт? Я не мог компрометировать наших пограничных агентов, заставляя их приводить ко мне дезертиров в германской форме.

Однажды, проходя по улице, я встретил двух дезертиров. Их рваные формы и истощенные лица говорили о том, что они дошли до предела, бродя по городу, опасаясь, что голландские власти схватят их, как бродяг, и отправят в концентрационный лагерь в Алькмаар.

Я подошел к ним и предложил притти в мое служебное помещение. Я не боялся скомпрометировать себя. Теперь и немцы и голландцы знали, что я делал. Первые были бессильны помешать моей деятельности, а вторые придерживались политики невмешательства в мои дела.

Снабдив каждого из них небольшой суммой денег, позволившей им принять приличный вид и подыскать работу, я получил все сведения об их полке и дивизии и о месте, в котором находилась дивизия в день, когда они дезертировали. Полковник Оппенгейм был в восторге от этой информации.

Для привлечения большего числа дезертиров я предложил опрошенным уже мною дезертирам вознаграждение за каждого вновь прибывшего, которого они ко мне направят. Мой план оказался весьма действительным. Так или иначе, но каждый дезертир, перебравшийся через границу, попадал к своим товарищам, которые направляли его ко мне. Я уверен, что очень немногие миновали меня.

Большая часть этих людей дезертировала с поезда при возвращении из отпуска на фронт. Линия Гербесталь—Льеж проходила близко от голландской границы, и я думаю, что искушение было слишком велико для некоторых из этих бедняг. Эти люди представляли для меня большой интерес, так как нам было очень важно точно знать, какими дивизиями были заняты все участки фронта. Но самые ценные сведения давали дезертиры, бежавшие с поездов, перевозивших их дивизии с востока на запад или в обратном направлении. Наблюдатели за поездами оповещали нас о воинских перевозках, но ввиду того, что германские войска перестали носить полковые номера, они не могли опознавать дивизии.

Я вспоминаю, как доволен был полковник Оппенгейм, когда после получения от наших постов сообщения о проезде двух дивизий, отправлявшихся на восток через Льеж, я доложил ему, что из опроса двух дезертиров я узнал, что это был 8-й корпус. Две недели спустя, он прислал мне копию телеграммы Главной квартиры:

„Поздравляем, 8-й корпус подтвержден пленными на русском фронте“.

Подобные телеграммы, получаемые время от времени, поддерживали в нас величайший энтузиазм.

Иногда какой-либо дезертир пытался дать мне ложную информацию, а иногда германская секретная служба в Голландии нарочно подсылала мне фальшивых дезертиров. Но, вооруженные подробными картами восточного и западного фронтов, на которых было отмечено последнее расположение каждой германской дивизии на фронте, по данным, полученным от пленных, и располагая „Коричневой книгой“, в которой были указаны номера полков всех дивизий, фамилии

командиров дивизий и множество других сведений, мы знали достаточно, чтобы немедленно поймать на лжи всякого дезертира, старающегося ввести нас в заблуждение.

Однажды германская секретная служба причинила немало беспокойства полковнику Оппенгейму и мне. До некоторой степени ей удалось ввести нас в заблуждение. Как-то утром, войдя в одно из помещений, где я опрашивал дезертиров и других лиц, которых я не хотел вводить в помещение службы, я, к своему удивлению, очутился лицом к лицу с турком в полужокейской одежде. На хорошем французском языке он сообщил мне, что дезертировал из Трира из турецкой дивизии, которую везли от Дарданелл на западный фронт.

Я ничего не знал о турецкой армии и не имел карты турецкого фронта. Я знал, что происходили большие перегруппировки: германские дивизии появились на итальянском фронте для оказания поддержки австрийцам, а на западном фронте были замечены батареи тяжелых австрийских гаубиц. Я отнесся с подозрением к турку, хотя он и производил хорошее впечатление и рассказал вполне правдоподобную историю со всеми подробностями, указав место посадки на поезд и маршрут, по которому поезд шел. Если это было правдой, то информация представляла величайший интерес, если же она была выдумана, то я знал, что меня высмеют.

Я сообщил о своих сомнениях полковнику Оппенгейму и спросил его, не хочет ли он видеть этого человека. Он согласился. Он не мог опровергнуть рассказанной турком истории и передал по телеграфу полученную информацию, единственно, что он мог сделать, отметив необходимость тщательной проверки таковой. Мы заплатили турку, и немцы, по всей вероятности, весело смеялись над нами. На западном фронте не появлялось никаких турецких дивизий. Несколько месяцев спустя, я встретил этого парня, продававшего ковры на улицах Роттердама. Поглядев на него пристально, я мог поклясться, что увидел улыбку на его лице.

Я не жалуюсь на постоянное скрещивание мечей с германской секретной службой; это придавало пикантность нашей работе.

Вскоре нам удалось получить очень важную информацию. В комнате, в которой производился допрос, я увидел молодого, анемичного на вид, парня, который нервно вытаскивал из-под своего пальто какой-то пакет.

— Что вы за это дадите? — спросил он, разворачивая пакет и протягивая мне какую-то книжку. — Это последнее издание справочника германской полевой почты. Два дня назад я взял ее на дюссельдорфской почте, где я работал.

Я взял книгу, в ней был полный перечень всех частей германской армии. Союзникам было весьма важно знать, какие новые полки, батареи, эскадрильи самолетов и другие части формировались время от времени. В дополнение к этому книга в наиболее достоверной форме давала расположение всех германских полевых почтовых станций на восточном и западном фронтах. Это значило, что мы получили код, с помощью которого, пользуясь перехваченными письмами, могли точно определять местонахождение всех полков и частей, указанных на адресах.

Я бросился к своей „Коричневой книге“. Хотя она и была неполной, но я знал, что она включала в себя достаточно сведений, чтобы позволить мне проверить подлинность этого указателя полевых почтовых станций. С помощью карты театра военных действий и нескольких перехваченных открыток я проверил расположение тех полков, местонахождение которых на фронте было указано пленными. Я стал искать в книге упоминания о новых полках, получивших шестисотые номера. Я только что опрашивал нескольких дезертиров из 606 полка, не указанного в „Коричневой книге“, и боялся, что поощренная удачей своей затее с турком германская секретная служба снова пытается меня разыграть.

Все совпадало. Книга, несомненно, была подлинной. Ее нельзя было оценить ни на какие деньги: она была бесценна. Рядом с ней наша „Коричневая книга“ имела глупый вид, а „Коричневая книга“ представляла собой сводку сведений о германской армии, добытых нашими разведчиками в течение трех с лишним лет и полученных в результате опроса нескольких сот тысяч немцев, взятых в плен французскими и британскими

войсками. Путем ловких переговоров и вручения для проверки какой-нибудь одной страницы, вместо всей книги, дезертир мог потребовать и получить за нее баснословную сумму; вместо этого он покорно принял сто фунтов, первую же названную мной сумму.

Из всех дезертиров, прошедших через мои руки, Генрих Флейшер произвел на меня наилучшее впечатление. Я чувствовал, что он дает мне информацию не для того, чтобы получить несколько гульденов, но потому, что он искренно ненавидит германское правительство. Нельзя было усомниться в его искренности и в злобе, когда он рассказывал, как его жена и трое детей живут в Берлине, питаюсь брюквой и картофелем; какими бледными и исхудавшими нашел он их, приехав с фронта на побывку домой, и как поклялся, что дезертирует в Голландию, получит там работу и пошлет им денег, чтобы они могли купить себе самое необходимое. Он заявил, что чувствует себя более ответственным перед своей семьей, чем перед кайзером и военной кликой, которая толкает Германию к гибели.

Поэтому, когда полковник Оппенгейм поручил мне проверить данные о некоторых новых полках и батареях, о которых упоминалось в указателе полевых почтовых станций, то я подумал о Флейшере. Зная, где он работал, я послал доверенное лицо, чтобы условиться о тайной встрече.

Я в коротких словах изложил ему задание, прибавив, что его ждет хорошее вознаграждение, которое даст ему возможность помочь своей семье. Я не скрыл от него опасности этого задания, которую он прекрасно понимал и сам, однако, насколько мог уменьшил эту опасность, снабдив его бумагами, доказывающими непригодность его к военной службе. Флейшер колебался, но, когда я ему показал образцы искусства нашего гравера, включая паспорт, дающий его владельцу право езды по германским железным дорогам, он понял, что у него есть шансы на успех, и принял мое предложение.

В течение недели я ознакомил его с теми сведениями, которые нам требовались, и он был готов к переходу границы. Он уехал, снабженный адресом

нашего агента в Ситтарде, который был предупрежден о его прибытии и получил инструкцию переправить его через границу в Аахен. По прибытии на место Флейшер должен был действовать самостоятельно.

Наш агент в Ситтарде, принадлежавший к шайке оперировавших в этом крае контрабандистов, сообщил нам, что путешествие в Аахен прошло благополучно. Мы сидели и ждали. Прошло три недели. Затем я получил телеграмму, адресованную одному из наших агентов в Роттердаме:

„Пришлите сегодня вечером еще восемь мешков. Иоганнес“.

Это было кодированное сообщение, означавшее, что Флейшер вернулся и ждет меня в 20 часов там же, где мы встречались раньше.

Флейшер привез нам сведения, имевшие для нас величайшую ценность. Он посетил несколько учебных лагерей и получил не только подтверждение сообщения о формировании нескольких новых полков шестисотого и семисотого ряда, но и привез подробные сведения о формировании и тактике специальных „штурмовых войск“, которые с успехом были использованы немцами во время большого наступления в марте 1918 г. Он сообщил, что создаются из отборных ветеранов войны особые штурмовые части, которые проходят специальную подготовку в учебных центрах Германии и в тылу фронта и предназначаются для прорыва неприятельского фронта.

В дополнение к этому Флейшер дал ценное описание экономического положения Германии и привез с собой образцы продовольственных карточек, введенных для гражданского населения. Он доставил также ряд суррогатов, заменявших кофе и другие съестные припасы. Одновременно с этим он подтвердил не только наши сведения о росте недостатка продуктов в Германии, но и прибавил, что подбодренное успехами австрийцев в борьбе против итальянцев, немецкое командование все еще надеется на победу в большом наступлении, подготовляемом им на западном фронте.

Флейшеру мы предложили новую и более трудную задачу. Нам было чрезвычайно важно организовать пост наблюдения за поездами в Трире. Мы получали

сведения о всех воинских перевозках из Германии по линии Аахен—Гербесталь—Льеж. Но другая артерия, идущая через Трир, оставалась вне наблюдения. Если бы мы могли организовать там пост, то улавливали бы каждое передвижение войск из Германии к западному фронту между Верденом и морем.

Флейшер боялся. Попытка организовать пост в Трире проваливалась уже неоднократно. Нам ни разу не удалось организовать наблюдательный пост в самой Германии. Очевидно, работать с немцами в Германии было совершенно иным делом, чем с бельгийцами или французами на оккупированной территории. В одном случае побудительной силой могли служить только деньги, в другом—мы могли воздействовать на патриотизм. Затем, в Германии было труднее вести разведывательную работу, так как агент постоянно был окружен соседями, которые выдали бы его, заметив что-нибудь подозрительное. Наконец, наблюдатель за поездами, обязанный оставаться на посту, должен был полагаться на курьера. Вот это и смущало, главным образом, агентов-немцев. У нас было много хороших агентов, которые подобно Флейшеру работали одни. Но они упорно отказывались доверить свою жизнь соотечественнику.

В конце концов Флейшер все же принял мое предложение и вернулся в Германию. Мы больше никогда его не видели. Может быть, большая сумма денег, которую я ему выдал на организационные расходы, оказалась слишком большим искушением, или он был схвачен и расстрелян,—не знаю. Я подозреваю, что после того, как оказалось, что выданные ему нами документы столь идеально подделаны, что принимаются немцами за подлинные, он сэкономил большую сумму денег и вернулся к своей семье в Берлин. Он, очевидно, решил, что существование семьи зависит от него, и что мы дали ему невыполнимую задачу. Его близкие были его величайшим и единственным интересом в жизни, и так как он отказался жертвовать ими для кайзера, то мы не могли ожидать, что он пожертвует ими для нас.

Глава десятая

ПРОВАЛ АГЕНТА-ПРОВОКАТОРА

— Господин Делорм был детективом при брюссельской полиции до войны, — сказал наш агент. — Он готов вернуться в Бельгию, если вы думаете, что он там может быть полезен союзникам.

— Сохранили ли вы связь с вашими коллегами? Остались ли некоторые из них в Брюсселе? — спросил и Делорма.

Получив утвердительный ответ, я заинтересовался этим человеком и подумал, что как только он наладит работу своих коллег, мы сможем снова доставить его в Голландию.

Я знал, что из детективов, благодаря их профессии, получают хорошие агенты. Они превосходят по своей интеллигентности обычных полицейских и прошли уже школу соблюдения секретности, сохранения в тайне своих действий и умения наблюдать.

Чем больше я смотрел на Делорма, тем яснее видел, что, несмотря на свою болезнь (туберкулез), он обладал железной волей, которая поможет ему выполнить возложенное на него задание. Я дал ему нужные инструкции, указал „почтовый ящик“ в Антверпене, и через неделю верный Шарль Виллекенс провел его через границу в Эйндховене и доставил на дорогу в Брюссель.

Несмотря на четыре превосходных наблюдательных поста, организованных им в Брюсселе, которые работали непрерывно в течение двенадцати месяцев, до самого заключения мира, я бы, по всей вероятности, не упоминал о нем в этой книге, если бы он не помог нам прекратить деятельность Берна, бельгийца на

германской службе, который являлся большой опасностью для наших агентов на оккупированной зоне.

После успеха работы с сенатором Колло и получения столь верной поддержки от Камилла Гюисманса, я радовался предстоящему свиданию с членом бельгийской социалистической партии Берном, прибывшим из Бельгии в Голландию по германскому паспорту. Он должен был вернуться в Бельгию через несколько дней после свидания со мной, и я надеялся, что судьба дает мне случай повторить опыт с Колло.

Едва увидев Берна, я почувствовал к нему недоверие. Это был тип хвастуна и задиры. На нем было пальто с барашковым воротником и большой алмаз, сверкающий на пальце, — вот портрет этого мнимого социалиста.

Берн начал свой разговор с шутки о немцах. Как глупо было с их стороны думать, что им удастся чего-либо добиться путем заигрывания с фламандской партией или с бельгийскими социалистами. Что касается его, то он принимал от них одолжения, как, например, паспорта для поездки в Голландию, и смеялся над ними за их спиной. Он, по его словам, был патриотом и хотел воспользоваться своими привилегиями для оказания содействия союзникам. Если бы я ему указал, из каких именно частей Бельгии мы не получаем сведений, он бы организовал в них посты наблюдения за поездами и „фланеров“. Он был готов собирать донесения сам и сдавать их любому „почтовому ящику“ на оккупированной территории, который мы предоставим в его распоряжение.

Мне было совершенно ясно, что этот человек пытается выяснить размеры нашей организации в Бельгии и степень ее разветвленности. Я почувствовал, что он на германской службе, и мог бы показать ему на дверь. Вместо этого, я решил воспользоваться случаем, чтобы ввести немцев в заблуждение, и принял с энтузиазмом его предложение.

— Вы посланы нам самим богом, — сказал я. — Мы не получаем абсолютно никаких сведений из оккупированной зоны. Не стоит думать для начала об этапном районе. Организуйте несколько постов наблюдения за поездами в Льеже, Брюсселе и Намюре. Союзникам

чрезвычайно важно получать сведения о воинских перевозках через эти узловые станции.

— А как же насчет „почтового ящика“ и проводника через границу? — спросил Берн.

Я посмотрел на него с притворным ужасом.

— Это уж дело ваше, — почти простонал я. — Мы не располагаем такими средствами.

Берн пристально посмотрел на меня. Он был не глуп. Я увидел, как лицо его выразило разочарование. Видя, как исчезает надежда на вознаграждение, несомненно, обещанное ему немцами за определенную информацию, он хотел уйти от нас, по крайней мере, с адресом „почтового ящика“ в кармане.

— Ладно, я постараюсь сам найти проводника, — проворчал Берн.

Затем его осенила блестящая мысль, и он прибавил:

— Все это будет стоить денег. Вам придется, понятно, снабдить меня деньгами.

Я, скрепя сердце, дал ему двести гульденов. Раз начал, надо кончать. Если он расскажет немцам о деньгах, то это может явиться лишним доказательством правдивости того, что я говорил Берну относительно провала нашей службы в Бельгии. Он сделал гримасу, увидев столь незначительную сумму. Однако я обещал ему дать деньги по получении первых донесений.

Через две недели Берн снова приехал в Голландию. В моем присутствии он разрезал шов на своем пальто и вытащил оттуда обещанное донесение, отпечатанное на тончайшей бумаге. Затем он прибавил, что нашел одного рабочего с фермы, расположенной на границе вблизи Старбрека, к северу от Антверпена, который согласен переносить донесения через границу. Я же должен до его возвращения в Бельгию познакомить его с нашим пограничным агентом в этом районе Голландии, и тогда он сможет свести этих двух агентов. Я простился с Берном, условившись о встрече в том же месте в пять часов.

В этот период мы располагали тремя организациями независимых постов наблюдения за поездами в Льеже, Намюре и Брюсселе. По возвращении на службу мне потребовалось всего несколько минут для проверки

донесения Берна. Эти донесения, как я и предвидел, были ложными.

Позже, при встрече, я сказал Берну, что легкость, с которой он получал пропуска от немцев, заставляет нас быть настороже и хотя его посты наблюдения за поездами могут быть превосходны, но мы не располагаем никакими материалами для контроля. Я указал ему, что его сведения не имеют никакой ценности для союзного командования, если на них нельзя всецело положиться. Я подчеркнул, что это не является обвинением, что он, по всей вероятности, превосходный патриот и сам должен понимать невозможность такого положения. Бери ушел, заявляя о своей лояльности и крича о том, что его оскорбили.

Он оставался в Голландии, и вскоре я, к своей тревоге, услышал о том, что его видели с одним из наших агентов.

Я спешно оповестил всех наших людей о том, что Бери германский агент. Этот парень был серьезной угрозой, так как в качестве бельгийца, работающего на нас, он мог втереться в доверие некоторых из наших агентов. Положение вскоре стало для него неудобным, и я с радостью узнал, что он вернулся в Бельгию.

Но я все еще не избавился от него. Несколько недель спустя один из наших агентов в Брюсселе сообщил, что Бери рассказал одному его приятелю, что он послан в Бельгию для организации разведывательной службы и что он вербует агентов.

Бери, несомненно, был германским агентом-provокатором. Подобные бельгийцы вместе с „наседками“, или осведомителями, работавшими в германских тюрьмах в Бельгии, являлись самой серьезной и опасной угрозой для наших агентов. Они легко могли распознать агентов германской тайной полиции, но эти предатели под маской бельгийцев-патриотов на службе у союзников были самыми усердными могильщиками наших разведывательных организаций.

Необходимо было прекратить деятельность Берна. Мы думали об убийстве, но это скомпрометировало бы, по крайней мере, одного из наших агентов. Поэтому я решил устроить его, показав, что против

него собраны доказательства и что ему после войны придется отвечать за свою деятельность перед бельгийскими властями.

Я не мог использовать поддельные донесения, так как в этом случае нам пришлось бы признаться, что мы имеем посты наблюдения за поездами в Льеже, Намюре и Брюсселе и можем сравнить его донесения с донесениями этих постов. Даже если бы я это сделал, то он мог бы сказать, что был обманут сам. Я не мог использовать германские паспорта, потому что многие лояльные бельгийцы получали их время от времени. В конце концов я сообщил о своих сомнениях Делорму, который в течение недели вел слежку за Берном, и затем написал Берну анонимное письмо якобы от группы бельгийцев, собирающих материал против предателей с тем, чтобы после войны последние понесли заслуженное наказание. Указав часы и дни, в которые Берн посещал бюро германской тайной полиции на улице Берлемон, и напомнив ему об его деятельности в течение последней недели, эта воображаемая организация смогла убедить его в том, что за ним следят. Это, очевидно, напугало его, и мы больше о нем не слыхали.

После войны многие бельгийцы-предатели были расстреляны, но Берн, хотя я и сообщал о нем и его случай был расследован бельгийской полицией, сумел вывернуться. Перед отъездом из Бельгии германская тайная полиция уничтожила все списки агентов, а бельгийцам не хотелось обвинять ни одного из бельгийских граждан, если против него не было прямых улик. Берн нашел предлог для своих посещений улицы Берлемон. Кроме того, он заявил, что какой-то неизвестный человек, отказавшийся себя назвать, организовал посты наблюдения за поездами и переход через границу в Старбреке и зашел к нему накануне его поездки в Голландию, чтобы попросить его завязать связь с кем-нибудь из секретной службы союзников. Берн имел превосходное алиби; у него было достаточно времени, чтобы его подготовить. Он избежал осуждения, но был не в состоянии опровергнуть репутацию, которую сам себе создал. Вскоре после заключения мира он исчез из Брюсселя.

Что касается Делорма, то он, несмотря на свою болезнь, до самого конца войны оставался во главе небольшой организованной им самим группы.

Кроме ордена, ему было дано пять тысяч франков на санаторное лечение.
